

Г Р О Б Н И Ц А,

К Н И Ж К А Т Р Е Т І Я.

ГРОБНИЦА,

сочиненіе

Гжи. РАДКЛИФЪ,

изданное послѣ ея смерти.

Переводъ съ Французскаго

Л. С.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Селивановскаго,
1802.

С ъ д о з в о л е н і я
Московскаго Гражданскаго
Губернапора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Часть ночи проведена была въ чпеніи Киспоновой и сно- ріи, послѣ чего Гюшнеровъ опецъ велѣлъ людямъ своимъ опвесити Милорда Келли и сы- на его въ приготовленную для нихъ комнашу. Сиръ Карлъ при- шелъ въ крайнее замѣшатель- ство, когда долженъ былъ оста- вить любезную сестру Гюп- nera. Застѣнчивая Шарлотта раздѣляла его смущеніе; взо- ры ихъ встрѣшились, и они оба покраснѣвшись, удержали вздохъ, который выражалъ ихъ чувства. Тщешно скрывали они любовь свою другъ ошъ друга: пламень, пылающій въ ихъ сердцахъ, далъ имъ знашь, что

воспалилъ ихъ въ одно время, и сіи юные любовники распались съ желаніемъ увидѣться на другой день.

Комната, куда отвели Сирѣ Карла и отца его, была раздѣлена на двое перегородкою. Когда служители удалились; то Милордъ Келли сказалъ своему сыну, что женщина, видѣнная имъ въ подземельной шемницѣ, была несчастная его мать. Сирѣ Карлъ не могъ сомнѣваться въ сей ужасной истинѣ, и они оба горѣли желаніемъ освободить какъ ее, такъ и Женни, оставшуюся въ залогъ до шѣхъ поръ, пока братъ ея исполнилъ страшную клятву, убить отца своего. Сіи двѣ любезныя особы спррадали подъ игомъ тиранства; убійственный мечъ висѣлъ надъ ними; но

какимъ образомъ ихъ избавить? какимъ образомъ подать имъ помощь? гдѣ лежитъ замокъ, заключающій предметъ неж-ности Келли и сына его? Сирѣ Карлъ никакъ не могъ описать мѣстоположенія сего жилища несправедливости и варварства. Его привезли туда въ закрытой каретѣ, а вывели во время его безпамятства, произведеннаго снотворнымъ напитокомъ, которой ему дали вмѣсто яда.

Огорченные сею неизвѣстностью, Келли и сынъ его легли въ постель, думая о средствахъ освободить Полину и Женни. Однако, не взирая на привязанность свою къ матери и сестрѣ, Сирѣ Карлъ вскорѣ о нихъ забылъ. Образъ Шарлотты представился его во-

ображенію во всей его красотѣ; ему казалось, что онъ былъ подлѣ нее и съ нею говорилъ. Въ сладостномъ забвеніи онъ приложилъ руку къ сердцу, и думалъ, что обнималъ Шарлотту; онъ уснулъ, упоенный любовію, и прелестная мечта увѣнчала его счастье.

По утру Сиръ Карлъ неперпѣливо хотѣлъ видѣть своего друга: Гюннеръ желалъ сего равнобрно. Шарлотта спала очень дурно; но она встала ранѣе обыкновеннаго, съ тѣмъ, чтобъ утѣшиться свиданіемъ съ тѣмъ, кто былъ причиною ея безсонницы; родители любовныхъ сихъ дѣтей спѣшили также увидѣться: несчастіе укрѣпляло союзъ ихъ дружбы.

Въ продолженіе завтрака Сиръ Карлъ безпрестанно гля-

дѣлъ на сестру Гюпнера; милая Шарлотта краснѣлась и опускала глаза въ землю, а любовникъ ея веселился ея замѣшательствомъ; онъ льстилъ себя надеждою, что былъ причиною его, и мысль сія доставляла ему чрезмѣрное удовольствіе. Спарики не замѣчали смущенія молодыхъ людей; но Гюпнеръ усремилъ все свое вниманіе на сестру свою и Сиръ Карла, и съ удовольствіемъ видѣлъ дѣйствіе ея прелестей на сердце послѣдняго. Капитанъ все еще питалъ нѣжную спрасть къ Женни, и желая непрерывливо говорить о ней, предложилъ Сиръ Карлу прогуляться на горы, копорыя соспавляли ихъ убѣжище. Сиръ Карлъ охотно на то согласился; ибо имѣлъ удобный

случай сообщить състрасть свою своему другу.

Когда они были одни, по открылись другъ другу въ своихъ чувствахъ. Гюшнеръ былъ восхищенъ, когда услышалъ, что онъ нравился чувствительной Женни; онъ обнялъ Сиръ Карла, называлъ его братомъ, и они оба, упоенные любовію, ласкали себя надеждою составлять нѣкогда одно семейство. Уже нѣсколько времени занимались они сею мыслию, какъ увидѣли родителей своихъ: Гюшнеръ побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

Сиръ Карлъ остановился нарвать цвѣтшвъ, которые хотѣлъ подарить Шарлоттѣ, и пришелъ на край горы, какъ вдругъ услышалъ внизу голосъ. Удивляясь, что его называли по

имени, онъ взглянулъ подъ гору, и какъ описать его удивленіе, когда увидѣлъ того незнакомца, которой всюду за нимъ слѣдовалъ! Странной эпитетъ человекъ сказалъ ему важнымъ голосомъ: „Сиръ Карлъ, думай о своей клятвѣ, думай о сестрѣ своей!

Постой, вскричалъ Сиръ Карлъ, и кто бы ты ни былъ, ты увидишь... Онъ не успѣлъ сказать болѣе ни слова, какъ незнакомецъ скрылся.

Друзья Сиръ Карла прибѣжали на его голосъ, и онъ разсказалъ имъ странное происшествіе; удивляясь не менѣе его и желая узнать незнакомца, они пошли къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ его Сиръ Карлъ. Однако стараніе ихъ было тщетно, какъ вдругъ появился онъ

опять на горѣ, и смѣясь надъ ихъ исканьемъ, кричалъ. „Сирѣ Карлѣ! не измѣни своей клятвѣ или шрепещи!“, Сказаеъ слова сіи, онѣ снова скрылся.

Удивленіе ихъ было чрезмѣрно; но по благоразумію своему, не почиая сего за привидѣніе, они догадались, что человекѣ сей преданъ былъ Перкинсу и обязался примѣчать за поступками Сирѣ Карла. Увѣрены будучи, что положеніе горѣ было ему очень извѣстно, они не захопѣли преслѣдовать его; ибо онѣ имѣлъ тысячу способовъ укрыпья. Однако надѣясь, что онѣ еще покажетпся Сирѣ Карлу, возвратились они домой поговорить, какимъ бы образомъ поймать его.

Когда условились они о способѣ поймать сего дерзкаго

бездѣльника, то Гюшнеровъ отецъ сказалъ своимъ госпямъ: „Вы имѣли снисхожденіе разсказать мнѣ свои приключенія, но еще не знаете, кому ихъ ввѣрили: справедливоспъ требуетъ, чтобъ и я съ моей стороны открылъ вамъ свою пайну. Безъ сомнѣнія вы удивляетесь тому, что здѣсь видите, но удивитесь еще болѣе, когда узнаете, что я не рыбакъ, а сынъ Филиппа II, Короля Гишпанскаго; однимъ словомъ, несчастный Донъ Карлосъ, считааемый умершимъ, и которой спасся отъ смерти не постижимо щаспливымъ образомъ. Я расскажу вамъ, какъ это случилось.

Исторія Донъ Карлоса.

Всѣ думаютъ, что знаютъ причину, по которой отецъ мой меня возненавидѣлъ, и всѣ ошибаются. Одни почитаютъ меня дерзкимъ заговорщикомъ, справедливо наказаннымъ за честолюбивыя свои предпріятія; а другіе жалуютъ обо мнѣ, полагая, что Филиппъ избавился безчеловѣчнымъ образомъ отъ предпочтеннаго ему соперника, плѣвившаго сердце, нечувствительное къ любви его. Нѣтъ, отецъ мой былъ неспособенъ къ такой жестокости; но я принесенъ въ жертву ужасному мщенію духовенства: суевѣріе вооружило моего отца, а фанатизмъ побудилъ его омочить руки въ собственной крови его.

Воспитываясь при Филипповомъ Дворѣ, я видѣлъ каждой день знаки его дружбы. Между окружавшими меня особами отличалъ я Мендозе де Медина Цели. Одинакія наши лѣта и склонности утвердили связь нашу. Не суешный блескъ почестей и знашной породы произвелъ нашу дружбу: сердца наши питали бы пламень ея и въ самомъ низкомъ состояніи.

Любя отъ природы лирическую и искусства, я часто посѣщалъ Герцогиню Медина Цели, мать моего друга, гдѣ собирались всѣ придворные, отличавшіеся умомъ и талантами отъ сей толпы невѣждъ, носящихъ имя придворныхъ по одному честолюбію и низости. Сіи надменные и глупые

люди не бывали никогда у Герцогини; они не находили удовольствія въ ея обществѣ, гдѣ не занимались придворными интригами, разсказами съ язвительными насмѣшками неблагоприспойныхъ анекдотовъ, и гдѣ лицемѣріе не изливало своего яда подъ личиною гнуснаго ласкашельства. Но тамъ говорили обо всемъ съ чистосердечіемъ и безъ всякой гордости; забывъ различіе состояній, изслѣдывали свободно ходъ ума человѣческаго и рѣдко кому нибудь случалось выходить изъ сего пріяшнаго общества безъ приобрѣтенія новыхъ свѣденій или безъ умноженія прежнихъ.

Въ одно изъ сихъ собраній Мендозе вступилъ въ нѣкопорой споръ съ Королевскимъ ду-

хъвникомъ. Соглашаясь, что во вѣхъ классахъ духовенства есть достойные люди, онъ описывалъ съ разительною истинною злобу монаховъ и опасность давалъ имъ неограниченную власть. Исторія многихъ народовъ служила доказательствомъ, что всегда должно опасаться коварныхъ ихъ происковъ и способностей управлять людьми, которыхъ порабощаютъ они гнусному суевѣрью и предрасудкамъ. Духовникъ, убѣжденъ будучи силою сихъ доказательствъ, защищался очень слабо и вскорѣ удался.

Такъ какъ всѣ пользовались благоприспойною свободою въ домъ Герцогини, то никто и не думалъ о слѣдствіяхъ, которыя могъ имѣть сей разговоръ,

и мы разошлись, восхищаясь краснорѣчіемъ и остроумною Мендозе.

На другой день, желая непрерывно видѣть своего друга, я пошелъ къ Герцогинѣ. Къ крайнему удивленію я нашелъ всѣхъ въ слезахъ, и услышалъ, что Мендозе не нашли въ его комнаѣ и не знали, куда онъ скрылся. Огорченный страннымъ симъ поступкомъ не менѣе его семейства, я старался угадать пому причину, какъ вспомнилъ вчерашній разговоръ. Мысль эта открыла мнѣ глаза; я угадывалъ, что духовникъ, опасаясь человека, столь хорошо знающаго характеръ монаховъ, какъ Мендозе, хотѣлъ предохранить ихъ отъ смертельнаго удара, которой онъ могъ нанести ихъ могуществу; и

я не сомнѣвался, чтобъ несчастный другъ мой не былъ посаженъ въ тюрьму инквизиціи, сего споль ужаснаго и кроваваго судилища, которое въ одной рукѣ держитъ кадило, а въ другой смертоносной мечъ.

Мы содрогнулись, представляя себѣ, что Мендозе находилась въ рукахъ сихъ жестокихъ судей, умерщвляющихъ во имя Бога, и говорящихъ, что они умножаютъ славу Его, перязая ужасными мученіями людей, смѣющихъ снимать завѣсу съ лицемѣрія, коихорю сіи коварные люди покрываютъ свои злодѣяства. Дѣйствительно мы должны были очень опасаться на цепь моего друга. Обширный его умъ и философія были достапочными

преступленіями въ глазахъ сего деспотическаго судилища, извѣснаго врага истинны; сего судилища, которое, спараясь всегда подавишь просвѣщеніе, осмѣлилось наказать великаго Галилея за то, что онъ открылъ движеніе земли, и не взирая на то, что ему было восемьдесятъ лѣтъ, обременило его оковами и заключило въ мрачную темницу.

Герцогъ и Герцогиня, не видя никакого средства къ избавленію своего сына, предались отчаянію. Первой хотѣла броситься къ ногамъ Короля и просить пощады; но я напомнилъ ему, что такъ какъ безъ сомнѣнія Королевской духовникъ былъ обвинителемъ Мендозе, то вмѣсто того, чтобы получить прощенію, онъ

казъ умножитъ гордость великаго инквизиціонера, которой спалъ бы еще тѣмъ болѣе припѣснялъ свою жерпву. Я уговорилъ ихъ поручить мнѣ узнать, точно ли Мендозе содержался въ инквизиціонной пюръмѣ? и вотъ какимъ образомъ успѣлъ я въ своемъ предпріятіи.

Между служителями моими былъ молодой Французъ, доказавшій мнѣ уже не одинъ разъ свое проворство, отважность и привязанность. Возвратясь домой, я призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему, что подозреваю, не случилось ли какого несчастія съ Мендозе, и что желаю узнать объ этомъ. Подумавъ нѣсколько, онъ попросилъ у меня срску до послѣзавтраго, обѣщая, что въ это

время увѣдомитъ меня обо всемъ.

Вскорѣ разнесся слухъ о приключеніи Мендозе: весь Дворъ о томъ узналъ и всѣ толковали по своему; я припворился, что не зналъ тому причины, и ожидалъ съ неперпбніемъ времени, въ которое Дюпре долженъ былъ меня увѣдомитъ о своихъ открытіяхъ. Никогда время не было для меня такъ продолжительно; часы текли слишкомъ медленно; казалось, что солнце спояло неподвижно и что вся нашаура была въ бездѣйствіи, между пѣмъ, какъ кровь во мнѣ кипѣла. На третій день поупру я лежалъ еще въ постелѣ, какъ вошелъ ко мнѣ Дюпре: онъ былъ очень блѣденъ и въ крайнемъ смущеніи. Едва успѣлъ

онъ войши, какъ упалъ въ кресла и закрылъ руками лице свое, не говоря ни слова.

Я не смѣлъ его спрашивать, устрашенъ будучи его опечаленіемъ, и опасался услышать о смерти своего друга. Наконецъ черезъ нѣсколько минутъ Дюпре сказалъ мнѣ прерывающимся голосомъ: „ахъ! все поперяно! — Какъ! Мендозе. . . „ Еще два шага впередъ и онъ былъ бы избавленъ. — Говори яснѣе. — „Я обѣщался вамъ, государь мой, узнать, точно ли другъ вашъ былъ въ инквизиціонной пюръмѣ, и просилъ развѣдать о томъ одного тюремщика, обязаннаго мнѣ за оказанную ему услугу, и которой прошивъ обыкновенія себѣ подобныхъ былъ очень благодаренъ. — Ради Бога, Дюпре!

окончи скорѣе. Разспрашивая его о господинѣ Мендозѣ, услышалъ я, что онъ былъ заключенъ по приказанію великаго Инквизитора. Тогда хотѣлъ я склонить его доставить ему средство уйти или вручить ему письмо; но опасаясь подвергнуться наказанію, онъ никакъ на то не соглашался.

Наконецъ, послѣ тщетной прозьбы предложилъ я ему уступить мнѣ свое мѣсто, обѣщая ему за то тысячу писолей.

Прельстясь такою суммою, онъ согласился на мое предложеніе; но сказалъ, что для принятія непременно должно мнѣ имѣть свидѣтельство какого нибудь священника. Я могу его легко доставить. отвѣчалъ я; одинъ Доминиканецъ, мой зна-

комой, охотно за меня поручился. И такъ, говорилъ онъ, приходи съ симъ Доминиканцемъ сего дня въ пять часовъ вечера; я дамъ знать о томъ надзирашелю служителей и дѣло твое будетъ сдѣлано.

Я тотчасъ бросился къ Доминиканцу; эпо томъ самой, кошорой помѣспилъ меня къ вамъ; я сохранилъ его дружбу нѣкоторыми подарками. Разспросивъ меня, за чѣмъ я васъ оспавилъ, и уваживъ мои причины, согласился онъ одобрить меня надзирашелю служителей инквизиціи, кошорой по щаспію былъ снариной его другъ.

Мы пришли въ назначенное время. Послѣ спрогаго допроса о почшеніи моемъ къ духовенству и желаніи служить ему, вспупилъ я въ званіе шю-

ремщика инквизиціи. Предмѣспникъ мой сдалъ мнѣ свою должность, копорая состоитъ въ томъ, чшобъ носить содержашимся кушанье, не позволять имъ говорить и препясповашъ жестокииъ образомъ справедливыиъ ихъ спенаніямъ. Я ошдалъ ему всѣ деньги, полученныя мною отъ васъ, и онъ разспался со мною, указавъ мнѣ шюръму Мендозе.

Съ крайнииъ неперпбниемъ ожидалъ я ужина, чшобъ войти къ вашему другу, однако опасался возбудишь подозрѣніе. Наконецъ настало желанное время; начали раздавашъ несчастнымъ скудную пищу, копорая едва достапочно къ продолженію ихъ гореспнаго бытія. Пища эта разносится служишелями и шюрешчиками,

при коихъ бываютьъ солдаты. Пришедъ въ шюрьму къ Мендозѣ, поставилъ я на столъ кушанье, и положимъ осторожно записку, сдѣлавъ ему знакъ, чшобъ онъ не говорилъ ни слова; послѣ чего немедленно удалился. На другой день въ шесть часовъ утра пришелъ я опять въ его шюрьму, шакъ какъ писалъ къ нему въ запискѣ; надѣлъ на него плащъ, подобное моему, и потомъ мы съ нимъ вышли, прѣпещая отъ сшраха, чшобъ его не узнали. Мы дошли уже до верхнихъ коридоровъ, и Мендозе, находившійся впереди меня, приблизился уже къ послѣдней двери, какъ вошелъ Королевской духовникъ. Тутъ другъ вашъ нѣсколько оробѣлъ и пронцапельной монахъ немедленно его

узналъ. „Донъ Мендозе! „ — вскричалъ онъ, и вдругъ множество солдатъ бросились на несчастнаго. Если бы я нѣсколько помедлилъ, то погибъ бы съ нимъ вмѣстѣ; но желая сохранить свою свободу, чинясь быль полезнымъ ему, я немедленно ушелъ и бросившись въ свою комнату, тотчасъ раздѣлся и легъ въ постель.

Какъ скоро Мендозе посадили въ другую тюрьму, по великій Инквизиціи, котораго уведомили о семъ приключеніи, велѣлъ собрать всѣхъ служителей. Повелѣніе его было тотчасъ исполнено, и хотя я слышалъ перекличку, однако осмался въ постель. Подозрѣніе пало на меня; нѣсколько монаховъ вошли въ мою комнату, между тѣмъ, какъ я

кричалъ, жалуясь на сильную боль въ животѣ. Я увѣрилъ всѣхъ безъ затрудненія, что былъ болѣнъ: ужасъ, овладѣвшій мною при встрѣчѣ съ духовникомъ, и опасность плачевныхъ слѣдствій, копорыя могли произойти отъ неудачнаго нашего предпріятія, произвели во мнѣ такое смятеніе и блѣдность, что самъ лѣкарь обманулся, и объявилъ, что у меня была жестокая колика, копорая по всѣмъ вѣроятностямъ препяпспвовала мнѣ оставить постель, и что я никакъ не могъ способспвовать предпріятію Мендозѣ. Однако, чтобъ уничтожить связи, копорыя онъ по видимому имѣлъ съ нѣкопорыми служителями, перемѣспили ихъ всѣхъ; въ числѣ ихъ и я назначенъ былъ

въ другую часть дома. Какъ мнѣ не возможно было показаться поспѣшъ здоровымъ, то я пролежалъ вчера весь день и вышелъ только сего дня по утру. Вотъ, Государь! причина моего опчаянiя; оно тѣмъ сильнѣе, что судьи соберутся сего дня въ полночь судить вашего друга, и я не сомнѣваюсь, чтобъ его не приговорили къ смерти.

Сiе извѣстiе меня поразило; ибо я не находилъ средства избавить Мендозе; намѣренiе его уйти было въ глазахъ жестокосердыхъ судей непрощительнымъ преступленiемъ, которое совершенно лишило его надежды получить свободу.

Однако побуждаемъ будучи дружбою и негодованiемъ, рѣ-

шился я спасти Мендозе или вмѣстѣ съ нимъ погибнуть ; я открылся въ томъ Дюпре, кошорой взялся мнѣ доставить одежду и мѣшокъ, подобные тѣмъ, какіе надѣвають гнусные исполнители воли инквизиторовъ. Я далъ знать шести молодымъ знаемымъ людямъ, совершенно мнѣ преданнымъ, чѣмъ они находились въ полночь съ почтовою коляскою и осѣдланными лошадьми близъ воротъ инквизиціи, не открывая имъ своего намѣренія, и они обѣщались исполнить мое желаніе. Увѣренъ будучи въ ихъ привязанности, я не сомнѣвался въ вѣрности даннаго ими слова, и провелъ остатокъ вечера въ размышленіи, какимъ бы образомъ успѣть въ исполненіи своего предпріятія.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера вышелъ я изъ дворца пошаенною дверью и пошелъ въ инквизицію; приворопникъ былъ подкупленъ вѣрнымъ моимъ Дюпре, копорой уже меня дожидался; опвелъ меня въ свою комнапу, и мы немедленно на дѣли инквизиціонное плашье.

Вооружась пистолепами и кинжалами, мы смѣшались съ толпою людей, одѣтыхъ подобно намъ, и пройдя нѣсколь-ко подземельевъ, вошли въ залу чрезмѣрной величины, гдѣ находилось распятіе и множество споловъ и спульевъ.

Вскорѣ пришли члены инквизиціи, и когда великой Инквизиторъ сѣлъ въ свои кресла, то велѣлъ привестъ несчастнаго Мендозе. По обыкновенію сего ужаснаго мѣста приказа-

но было объявить ему вину его; но онъ хладнокровно оправдывался и опвѣчалъ съ твердымъ духомъ на множествъ коварныхъ вопросовъ.

Послѣ всѣхъ хитрыхъ уловокъ, которыми спарались принудить его объявить себя виновнымъ, одинъ изъ судей донесъ, что онъ хотѣлъ уйти изъ пѣмницы. Преступленіе сіе возбудило негодованіе въ судьяхъ и они опредѣлили во имя Божіе, что Мендозе заслужилъ смерть, такъ какъ опшупникъ отъ вѣры и нарушитель Святыхъ законовъ инквизиціи, почему и должно его сжечь; но между тѣмъ вѣрно было его пытать, чшобъ онъ опкрылъ участниковъ дерзкаго своего предпріятія.

Онъ равнодушно выслушалъ сей ужасной приговоръ, копорой привелъ меня въ пренешъ. Его хотѣли отвесить въ пюрьюму, какъ одинъ изъ судей предложилъ пытать его немедленно, въ присутствіи двухъ осужденныхъ женщинъ, копорыхъ приведутъ къ суду, чшобъ онъ, видя мученіе Мендозе, скорѣе признались въ винѣ своей. Предложеніе было принято и великой Инквизишоръ велѣлъ готовить пыпку для несчастнаго моего друга.

Тутъ овладѣло мною бѣшенство; я бросился къ великому Инквизишору и схвативъ его одною рукою, приставилъ другою къ груди его пистолешъ. Извергъ! вскричалъ я, еспли ты сдѣлаешь малѣйшее движеніе, то погиб-

нешь!.,—Вдругъ раздался въ залѣ ужасной вопль и всѣ находившіеся въ ней хотѣли меня схватить; но Дюпре, подбѣжавъ ко мнѣ, вынулъ свои пистолены и угрожалъ смертію тому, кто пронесся съ мѣста. Гнусные прусы сдѣлались неподвижны; два отважные человѣка привели ихъ въ шрепетъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ были поражены страхомъ и удивленіемъ, Королевскій духовникъ подкрался сзади ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ схвативъ меня за руки, удобнѣе обезоружить. Однако Дюпре, увидѣвъ это, выстрѣлилъ въ него и онъ упалъ къ ногамъ моимъ. Упавъ, задѣлъ онъ рукой за мѣшокъ, покрывавшій мою голову, и спасилъ его; тогда открылось

лице мое; видя, что меня узнали, сказалъ я великому Инквизитору: „теперь ты можешь видѣть, что я намбрень избавишь Мендозе. Не думай, чтобъ какая нибудь опасность могла меня остановить: малѣйшее препятствіе будетъ стоить тебѣ жизни. Слѣдуй за нами до послѣднихъ дверей сего жилища ужаса и вели свободно пропусти насъ; припомѣ запрети служителямъ своимъ сходить съ мѣста, или ты погибнешь!

Великій Инквизиторъ, претепавшій отъ страха, видѣлъ, что одно повиновеніе могло спасти жизнь его, и обѣщался исполнить мои требованія. Между тѣмъ Дюпре далъ оружіе Мендозѣ и мы гоповы уже были выпши изъ залы, какъ

увидѣли двухъ несчастныхъ женщинъ, которыхъ вѣрно было привести съ тѣмъ, чтобъ онѣ были свидѣтельницами мученія моего друга. Я не могъ владѣть собою, когда представилъ себѣ ожидавшую ихъ участь, и немедленно вскричалъ: ;слѣдуйте за мною, я возвращу вамъ свободу!—Какъ, сказалъ Инквизиторъ, вы хотите также... Я хотѣлъ бы освободить всѣхъ спржающихся въ сихъ ужасныхъ подземельяхъ; но теперь не лзя терять времени, пойдѣмъ немедленно.

Мендозе и Дюпре вырвали сихъ двухъ женщинъ изъ рукъ злодѣевъ, и мы пошли изъ сего жилища преступленія. Я велъ великаго Инквизитора, держа пистолетъ у груди его.

Такимъ образомъ дошли мы безпрепятственно до послѣднихъ воротъ, гдѣ ожидали насъ молодые люди, которыхъ просилъ я о коляскѣ; мы посадили въ нее Мендозе и товарищей его злополучія; я далъ своему другу значную сумму денегъ и онъ отправился въ провозаніи шести молодыхъ людей, которые были мнѣ совершенно преданы. Черезъ нѣсколько времени возвратились они, и я узналъ, что Мендозе былъ уже во Франціи, и слѣдственно внѣ опасности отъ преслѣдованія инквизиціи.

Между тѣмъ, какъ я радовался избавленію друга своего, ужасное бѣдствіе угрожало мнѣ самому. Королевской духовникъ получилъ только легкую рану; но всѣ члены инквизиціи

были крайне раздражены и по ихъ мнѣнію одна смерть моя могла изгладить оскорбленіе, которое я нанесъ сему Святому мѣсту и закону. И такъ они положили умерщвить меня; но какимъ образомъ исполнить сіе предпріятіе? Трудно было похитить наследника престола попому, что могущество инквизиціи принуждено бы было бороться съ Королевскою властію; имъ удобнѣе было сдѣлать Короля орудіемъ ихъ мщенія. И такъ всѣ Инквизиторы старались склонить отца моего осудить меня на казнь, и они могли легко въ томъ успѣть, устрашивъ его поперею его власти. Слабой человекъ, не имѣющій характера, бываетъ часто жестокимъ; онъ думаетъ иног-

да утвердить власть свою пиранскимъ поступкомъ.

Члены инквизиціи, полагая, что есѣли я вступлю со временемъ на пресполь, то упошреблю всѣ усилія, чтобъ испребить кровожадное ихъ судилище, старались ускорить мою гибель. Они безпреспанно говорили отцу моему о поступкѣ моемъ, называя его оскорбительнымъ какъ для Бога, такъ и для людей, и угрожали ему собственною его опасностію, есѣли онъ не накажешъ меня въ скоромъ времени.

Долго не имѣли они успѣха. Отецъ мой слушалъ ихъ хладнокровно и не находилъ, чтобъ вина моя была такъ велика, какъ ее описывали. Онъ соглашался, что дружба изгнала на время изъ сердца моего по-

чтеніе къ Святому мѣспу; но освобожденіе Мендозе не казалось ему непросшипелнымъ преступленіемъ.

Бездѣльники, раздраженные своею неудачею, представляли меня честполюбцемъ, копорой сдѣлалъ только надъ ними опытъ съ пѣмъ, чпобъ со временемъ поразить самаго Короля. Молодыхъ людей, провожавшихъ Мендозе, называли они заговорщиками, а меня ихъ начальникомъ; говорили, что я спарался болѣе для того освободить своего друга, что онъ былъ главнѣйшій изъ моихъ сообщниковъ, зналъ совершенно мой планъ и необходимо былъ мнѣ нуженъ для произведенія его въ дѣйсво.

Такимъ-то образомъ толковали мои поступки, не упу-

ская ничего, что могло вредить мнѣ; даже при Дворѣ говорили явно о честолюбивыхъ моихъ предпріятіяхъ. Отецъ мой не могъ наконецъ пропустить симъ слухамъ; онъ дѣйствительно началъ меня подозрѣвать, и одинъ неожиданной случай утвердилъ его въ ложномъ мнѣніи.

Духовенство, стараясь безпрестанно объ умноженіи своей власти, склонило Короля учредить инквизицію въ Нидерландахъ; протестанты, устрешенные симъ деспотическимъ судилищемъ, взбунтовались и хотѣли препяшествовать его установленію вооруженною рукою.

Какъ скоро получено извѣстіе о возмущеніи, то члены инквизиціи распустили слухъ,

будто я былъ его зачинщикомъ, и располагался тайно уѣхать, чтобъ принять начальство надъ бунтовщиками.

Король, желая предупредить слѣдствія, которыя могъ имѣть сей бунтъ, далъ повелѣніе Герцогу Альбскому собрать армію, находившуюся въ Италіи, и итти въ Нидерланды противъ протестантовъ.

Герцогъ имѣлъ великую связь съ духовникомъ отца моего, и слѣдственно былъ одинъ изъ моихъ главнѣйшихъ непріятелей. Наканунѣ своего отъѣзда пришелъ онъ ко мнѣ проститься и сказалъ съ насмѣшкою: „извините, Государь! что я ѣду усмирать преданныхъ вамъ бунтовщиковъ; Королю, вашему бапюшкѣ, такъ угодно! — Раздраженъ будучи

сею дерзостію, я выхватилъ шпагу и хотѣлъ его заколоть, какъ вошелъ отецъ мой. „Ваше Величество, вскричалъ Герцогъ, вы изволите сами видѣть, что Принцъ хотѣлъ меня умертвить за то, что я иду противъ мятежниковъ. Король бросилъ на меня сердитый взглядъ и вышелъ, не хотѣвъ меня выслушать.

Я не думалъ, чтобъ отецъ мой могъ повѣрить, что я дѣйствительно имѣлъ какую нибудь связь съ протестантами; и привыкнувъ презирать многочисленныя клеветы, которыми старались мнѣ вредить, я надѣялся, что и сія послѣдняя будетъ имѣть участь первыхъ и скоро забудется; почему и не считалъ за нужное идти къ Королю

оправдываешься, и былъ спокоенъ, не предвидя ожидавшей меня участи.

Въ полночь былъ я пробужденъ чрезвычайнымъ шумомъ въ передней комнашѣ, и вскорѣ увидѣлъ, что вошелъ ко мнѣ Король съ многочисленнымъ опрядомъ гвардіи. Донъ Карлосъ, сказалъ онъ, давно уже мнѣніе публики обвиняетъ тебя, и я до сихъ поръ ничему не хотѣлъ вѣришь; но ты самъ подалъ мнѣ поводъ подозрѣвать тебя, и теперь мнѣ не возможно быть снисходительнымъ. Я видѣлъ пресупленіе и мой сынъ виновенъ; справедливоспъ пребуешъ произвестъ надъ нимъ судъ, и я предаю тебя его строгоспи. Ты будешь теперь подъ карауломъ въ своей комнашѣ; ожидай при-

говора , которой произнесушѣ правдивые судьи швои.

Я думалѣ сначала, что это было ничто иное, какѣ мечта; однако, пришедѣ въ себя , хотѣлѣ броситься къ ногамѣ своего отца; но онѣ вышелѣ уже оставивѣ меня въ самыхѣ мрачныхѣ размышленіяхѣ.

Я видѣлѣ съ крайнимѣ при-скорбіемѣ, что совершенно лишился Королевской благосклонности. Безпорочное и открытое мое поведеніе не избавило меня отѣ злобной клеветы. Отецѣ мой подозрѣвалѣ меня въ пресупленіяхѣ , которыя мнѣ приписывали, и одно это приводило меня въ ужасѣ ; я перенесѣ бы все безѣ жалобѣ , естѣли бы онѣ не сомнѣвался въ сердцѣ своего сына.

Всѣ служители мои были распущены, а мѣста ихъ заняты неизвѣстными мнѣ людьми. Я былъ очень доволенъ, что давно уже соспавилъ благополучіе Дюпре, давъ ему значную сумму денегъ и удаливъ отъ себя, чтобъ избавить его отъ преслѣдованія инквизиціи.

Я думалъ, что мнѣ позволятъ гулять въ дворцовомъ саду; но меня не выпускали изъ комнаты, и я пробылъ мѣсяць въ такомъ положеніи; не получивъ Королевскаго соизволенія увидѣться и поговорить съ нимъ. Напрасно писалъ я къ нему и спарался испросить у него сей милости: онъ никакъ не хотѣлъ исполнить моей прозбы.

Однажды ввечеру одинъ изъ моихъ караульныхъ сказалъ мнѣ, чтобъ я былъ готовъ явиться

завтра въ судѣ. Извѣстіе это меня очень обрадовало ; ибо зная свою невинность , я надѣялся легко оправдаться и убѣдишь отца своего , что я былъ еще достоинъ любви его.

Но какъ изумился я , когда увидѣлъ , что одни члены Инквизиціи были моими судьями ! Я предчувствовалъ , что гибель моя неизбежна ; но не зналъ , какое преступленіе припишутъ мнѣ. Наконецъ мнѣ прочли мое обвиненіе , въ которомъ называли меня бунтовщикомъ пропивъ Короля , отца своего. Не отвѣчая на столь несправедливую клевету , я говорилъ , что судъ сей не имѣлъ власти судить меня. Какимъ образомъ монахи могутъ знать государственное преступленіе ? Одни Гишпан-

скіе Гранпы имѣли право судить наслѣдника престола. Не взирая на справедливость моихъ замѣчаній, они пребо-вали отъ меня оправданія; но я взглянулъ съ презрѣніемъ на своихъ убійцъ и не говорилъ ни слова. Тщепно ожидали они моего отвѣта; я не хотѣлъ унизиться до такой степени, чтобъ признасть своими судьями кровожадныхъ Инквизиторовъ. Тогда бездѣльники сіи объявили, что такъ какъ я не оправдываюсь, то молчаніе мое обвиняетъ меня; что я дѣйствительно заговорщикъ противъ Короля, измѣнникъ опечеству и слѣдовательно заслуживаю смертную казнь.

Какъ скоро прочли приговоръ сей, то отвели меня опять въ мою комнату. Близость

смерти не дѣлала на меня никакого вліянія; жестокостьъ судей моихъ возбудила мое презрѣніе и я равнодушно смотрѣлъ на приближеніе конца своего. Однако мнѣ казалось ужасно умереть отъ руки палача, и я непременно хотѣлъ избавиться отъ сего поношенія.

Всѣ смертоносныя оружія были вынесены изъ моей комнаты, кромѣ кинжала, копорой я имѣлъ при себѣ, освобождая Мендозе, и которой по видимому былъ забытъ. Я немедленно схватилъ его и готовъ былъ поразить себя, какъ услышалъ стукъ у дверей. Я спрячалъ его подъ платье и взялся за книгу. Едва успѣлъ ее развернуть, какъ вошелъ отецъ мой и сказалъ мнѣ: Донъ

Карлосъ! должность принуждаешь меня забыть, что я отецъ, и помнишь, что я Король; я исполнилъ трудную обязанность и преступникъ осужденъ; теперь я пришелъ обнять своего сына и оплакать вину его и проступки. — Какъ, бабюшка! вы можете повѣрить. . . , Не надѣйся обмануть меня пустыми словами; если-либъ ты не былъ виновенъ, то судьи твои не осудили бы тебя. — Но изверги. . . , Оспановись, сынъ мой, и спѣши раскаяться въ послѣднія минуты твоей жизни. Хотя преступленіе твое не заслуживаетъ ни малѣйшей пощады; но я испросилъ у судей твоихъ позволеніе избрать родъ смерти, какой тебѣ угодно; и такъ рѣшишь немедленно.

Предложеніе это было бы мнѣ пріятно, естлибѣ я не былъ намѣренъ прекратить жизнь свою, и сначала я презрѣлъ его; но размысливъ, что такъ какъ я былъ невиненъ, то чтобъ избавить имя свое отъ поношенія, я не могъ сдѣлаться самоубійцею; по чему и рѣшился воспользоваться симъ гореспнымъ позволеніемъ и пресилъ, чтобъ меня посадили въ пенную воду и бросили кровь.

Отецъ мой послалъ за моимъ лѣкаремъ, которой вскорѣ пришелъ; но узнавъ ужасную должность, для которой былъ призванъ, никакъ не соглашался ее исполнить. Ни прозьбы, ни угрозы Короля не могли склонить его къ повиновенію; онъ отвѣчалъ, что

бросалъ кровь людямъ для того, чтобъ продолжитъ ихъ бытіе, а не съ тѣмъ, чтобъ убивать ихъ; и такъ какъ онъ гордился знаніемъ одного изъ первыхъ искусствъ, то никакъ не согласился быть палачемъ. Отецъ мой, пронувъ его великодушіемъ, одобрилъ мужественное его сопротивленіе и послалъ за другимъ; но сколько ихъ ни приходило, они всѣ единодушно отказывались. Однако наконецъ съскался одинъ, кѣпорой, не имѣя никакихъ познаній, ни добродѣтели, и прельсаясь наградою нѣсколькихъ піастровъ, согласился быть моимъ убійцею.

Между тѣмъ, какъ отецъ мой былъ у меня, прибѣжала Королева и просила моей пощады; но онъ отвѣчалъ ей

III.

В

хладнокровно, что никакъ не можетъ опимѣнить судебного приговора. Не взирая на то, бросилась она къ ногамъ его и не хотѣла вспасть, не испросивъ моего прощенія; но онъ велѣлъ поднять ее и взглянувъ на нее съ свирѣпостью, сказалъ: „переспаньше, сударыня, просить за другихъ, и вспомните, что вы сами имѣете нужду въ снисхожденіи; опасайтесь раздражить меня и удержите слезы, которыя извлекаютъ у васъ справедливое наказаніе вашего сообщника! Ахъ, Ваше Величество! вскричала Королева, можете ли вы это думать? —, Оставимъ это, сказалъ онъ, и удалимся — послѣ чего вышелъ онъ съ нею изъ моей комнаты.

Я размышлялъ о несправедливомъ гнѣвѣ отца своего и странномъ упрекѣ, сдѣланномъ имъ Королевѣ, какъ всшелъ ко мнѣ Королевской духовникъ; удивляясь сей дерзости, я упрекалъ его въ жестокости, съ которою онъ на меня глядѣлъ, зная, что я буду вскорѣ жертвою его злобы. Можете ли вы меня такъ обвинять, сказалъ онъ, когда я исполняю повелѣніе Короля? Вѣрите, что мнѣ самому дорого снويшь васъ видѣть. Ахъ! несчастная минуша приближаешся, и Его Величество поручилъ мнѣ васъ къ ней приготовить; и такъ позволше мнѣ сообщить вамъ тѣ увѣщенія, которыя предлагася Святая Религія. — „

Бездѣльникъ, вскричалъ я, ты смѣешь говорить о Религіи,

подписаѣ смертной приговорѣ мой! но не думай, чтобѣ я умерѣ, не опомстиѣ тебѣ, и сказаѣ сіе, поразилѣ я его кинжаломѣ. Лицебѣрной сей извергѣ ругался мною ѣ послѣднія минуны жизни моеѣ, и думая, что у меня нѣтъ оружія, ни мало меня не опасался; но онѣ упалѣ кѣ ногамѣ моимѣ опѣ сильного шеченія крови. Множесство служителей сбѣжались на его крикѣ и немедленно его вынесли, между шѣмѣ какѣ онѣ въ бѣшенствѣ проклиналѣ меня.

Король, узнаѣ о смерти духовника своего, опасался, чтобѣ Инквизиція не опмстила мнѣ поноснымѣ образомѣ, и для того спѣшилѣ исполниѣ казнь мою. Какѣ скоро посадили меня

въ воду и пустили кровь, по
вскорѣ глаза мои закрылись.

Извѣстіе о моемъ арестѣ и
мнимомъ моемъ преступленіи
разнеслось по всей Гишпаніи.
Сдни почитали меня виновнымъ;
а другіе, увѣренные въ моей не-
винности, думали, что мнѣ лег-
ко будетъ оправдаться; но
Дюпре, зная истинную причи-
ну злобы моихъ непріятелей,
не сомнѣвался, чтообъ я не сдѣ-
лался жертвою ужаснаго ихъ
мщенія.

Когда по избавленіи Мендозе
уговорилъ я Дюпре оставитьъ
меня, чтообъ скрыться отъ
гоненія Инквизиціи, обѣщая
ему взятьъ его къ себѣ, какъ
скоро дѣло сіе предано будетъ
забвенію; по уѣхалъ онъ къ
одной изъ своихъ сестеръ,
которая лишилась не давно му-

жа и жила въ ближней провинціи. Вскорѣ вѣрный сей служитель услышалъ о приговорѣ моемъ и объ исполненіи моей казни. Тогда хотѣлъ онъ видѣть непременно мое тѣло. Оно было лишено чести лежать подлѣ предковъ моихъ, и опнесено въ церковь Св. Георгія, гдѣ должно было простоять три дни. Дюпре будучи истинно ко мнѣ привязанъ, не могъ перенести смерти того, кто по случаю сдѣлался его господиномъ и кого сердце его избрало другомъ. Въ минушу отчаянія рѣшился онъ раздѣлить судьбу мою, и умереть, обнявъ меня въ послѣдній разъ. Желая исполнить сіе намѣреніе, вошелъ онъ въ церковь, гдѣ тѣло мое спояло на возвышеніи, и спрятавшись на

хоры, ожидалъ наступленія ночи. Церковь была опворена для удовлешворенія любопытства народа, кошорой равнодушно смотрѣлъ на плачевные ошашки невинной жертвы. Наконецъ караульные солдаты выслали зрителей и вскорѣ сами удалились; церковный старосна заперъ снушри церкви и пошелъ черезъ олтарь въ свою келью, погасивъ всѣ свѣчи и ошавя только небольшую лампаду, кошорая изливала слабый свѣтъ.

Когда Дюпре остался одинъ, то ужасъ овладѣлъ имъ; не взирая на обыкновенное его мужество и храбросшь, смѣшныя предразсудки дѣтскихъ лѣтъ возбудились въ его воображеніи; ему мечшались шѣни и разныя привидѣнія. Въ первой

разъ Дюпре узналъ страхъ; но наконецъ почувствовавъ, что онъ былъ столько же безразсуденъ, какъ и постыденъ, преодолѣлъ себя и осмошрѣвъ хладнокровно окружающіе его предметы, увѣрился въ своемъ заблужденіи, и занялся единственно исполненіемъ своего предпріятія.

Подошедъ къ моему гробу, едва освѣщаемому лампадою, копорую оставилъ церковный епаросша, бросился онъ обнимать меня и обливалъ лице мое слезами. Наконецъ вынулъ онъ пистолетъ и приставилъ уже его ко лбу, какъ вдругъ услышалъ вздохъ; Дюпре остановился и смотрѣлъ вокругъ себя, но ничего не видалъ; однако это не могла быть мечша, ибо онъ почто его слышалъ.

Онѣ не прогался съ мѣста и вскорѣ услышалъ другой вздохъ. Тогда взявъ лампаду, онѣ жодилъ по церкви; но не нашедъ никого возвратился ко мнѣ, и между нѣмъ, какъ онѣ глядѣлъ на меня съ состраданиемъ, ему показалось, что грудь моя поднималась; онѣ приложилъ руку къ сердцу моему и чувствовалъ, что оно бьется, потомъ поднесъ лампаду къ моему пальцу и я сдѣлалъ движеніе, чтобъ опнѣть его онѣ пламени; послѣ чего напукъ моей показалась кровь.

Дюпре, увѣрясь, что естъ во мнѣ еще остатокъ жизни, разодралъ покрывало, которое на мнѣ было и старался остановить кровь. Вскорѣ онѣ почувствовалъ, что тѣло мое согрѣвалось; тогда надѣясь,

что мнѣ можно возврашншь еще жизнь, вздумалъ унести мое пѣло. Но какимъ образомъ вышнн изъ церкви? Размышляя о томъ нѣсколькo времени, вспомнилъ онъ, что церковный спароста положилъ ключи въ олшарѣ, и такъ взявъ ихъ, отперъ церковь; но вдругъ пришла ему мысль, что можешъ бышь около церкви споялъ караулъ; тогда, вышедъ съ осторожноспю, къ крайнему своему удовольствю увидѣлъ, что нѣго не было.

Онъ возврашнлся немедленно въ церковь, и снялъ съ налая покровъ, въ которой меня обернулъ; потомъ положивъ на плеча, понесъ къ сестрѣ своей, куда и пришелъ благополучно, никого не встрѣшнвъ. Сестра его ужаснулась, увидя

лице мое; Дюпре не закрылъ еѳо для того, что опасался задушить меня. Она едва было не закричала, что могло бы привлечь сосѣдей и тогда мы бы совершенно погибли; но братъ ея вскорѣ ее успокоилъ, представя необходимость хранить шайну. Наконецъ они положили меня на постель, и старались всячески привесть меня въ чувство.

Однако Дюпре видя, что не можешь подать мнѣ нужной помощи, рѣшился открыться моему лѣкарю, будучи увѣренъ, что можно положиться на его скромность. Сей честной человекъ оправдалъ его довѣренность; онъ испощилъ все свое искусство и возвратилъ мнѣ жизнь. Однако я былъ въ крайнемъ изнеможеніи отъ поше-

рянной крови, и спустя долгое время получилъ я нѣсколько прежнихъ силъ и память. Когда я немного оправился, то узналъ, чѣмъ былъ обязанъ Дюпре, также и то, что похищеніе мое изъ церкви было утаено; ибо на другой день поутру лежало шѣло на моемъ мѣстѣ. Мы полагали, что церковной староспа, опасаясь наказанія за свою оплошность, вынулъ какое нибудь шѣло изъ монастырскаго погреба и положилъ его въ мой гробъ.

Вскорѣ услышалъ я, что Королева скончалась скоропостижно въ день моего осужденія. Тогда вспомнилъ я упрекъ, сдѣланной ей моимъ опцемъ въ моемъ пресушствіи, и подозрѣвалъ, что она сдѣлалась новою жершвою его пред-

убѣжденія ; ужасная эша мысль меня нѣсколько разспроила. Я распрашивалъ своего лѣкаря о причинѣ смерти Королевы и онѣ сказалъ мнѣ, что не взирая на стараніе, съ которыми ея скрывали, узнали всѣ, что она приняла ядѣ, ею самою приготоленной, и что вышивѣ его, послала къ Королю письмо. Онѣ прибавилъ, что съ самаго дня моего осужденія, опецѣ мой впалѣ въ уныніе, которое ежедневно умножалось, и что не было возможности разсѣять его.

Не взирая на его жестокость, карпина его горести сильно меня пронула; увѣренѣ будучи, что онѣ оплакивалѣ мою смерть, я упрекалѣ себя въ томѣ, что до сихѣ порѣ не далѣ ему знать о щасливомѣ

моемъ избавленіи и рѣшился непремѣнно по сдѣланъ. Тщешно Дюпре прошивился моему намѣренію, всѣ его прошиворѣчія были бесполезны; я согласился только на то, чтобъ онъ взялъ эпо на себя. Зная его усердіе, я увѣренъ былъ, что онъ употребитъ всѣ нужныя предоспорожности, чтобъ не подвергнушь меня новой опасности. Онъ просилъ моего лѣкаря, которой пользовалъ также и Короля, помочь ему въ исполненіи сего труднаго дѣла, и эпопъ добродѣтельной и просвѣщенной челоѣкъ испросилъ у Короля тайную аудіенцію. Дюпре, котораго онъ и отвелъ вечеромъ во дворецъ.

Когда Дюпре былъ наединѣ съ Филиппомъ, то старался вывѣдать его мысли о томъ, что

онъ хотѣлъ ему открыть, и видя, что сіе извѣстіе будетъ ему пріятно, сказалъ, что я еще живъ. Отецъ мой, тронутый сею неожиданною радостію, упалъ въ обморокъ; но старанія лѣкаря и Дюпре вскоре возвратили ему силы. Пролывая радостныя слезы, онъ говорилъ, что обязанъ имъ спасеніемъ своей жизни; что съ самаго дня моего осужденія лишился онъ покоя, и что одно сіе извѣстіе можетъ успокоить его. Дюпре, обрадованный чувствительностію моего отца, сказалъ ему, что я очень желаю видѣть его., Ахъ! вскричалъ Король, я самъ не менѣе хочу обнять его; приходи сюда, когда я лягу спать, и тогда оповѣди меня къ моему сыну.

Дюпре спѣшилъ сообщить мнѣ сіе пріятное извѣстіе; оно чрезмѣрно меня обрадовало. Надежда видѣть моего отца и возвратить его любовь, испребила изъ моей памяти всѣ мои несчастія.

Какъ скоро Король легъ, то Дюпре вошелъ въ его комнату посредствомъ ключа, коимъ онъ самъ ему далъ. Онъ немедленно вспалъ и вышелъ изъ дворца попайною дверью, сѣлъ въ карету и вскорѣ прибылъ ко мнѣ.

Когда онъ вошелъ въ мою комнату, то я хотѣлъ броситься къ ногамъ его; но онъ меня удержалъ, обливалъ лице мое слезами и прижималъ къ своему сердцу. Долго не могъ я выговорить ни слова: сердечное умиленіе прерывало слова

мои; но наконецъ вскричалъ я: „бапюшка, возвратите мнѣ вашу любовь; ибо я невиненъ! Мнѣ все извѣстно, любезной сынъ мой, сказалъ онъ, и угрызенія совѣсти мнѣ за тебя опмспили; узнай то, что я самъ перпѣлъ. Въ самое то время, когда несправедливо проливали кровь свою, я находился съ нѣкоторыми придворными подлѣ своего духовника, копторой, будучи смертельно побою раненъ, ожидалъ ежеминутно конца своего. Онъ просилъ позволенія поговорить со мною наединѣ, и когда всѣ вышли, то принесли мнѣ письмо отъ Королевы. Она писала, что не имѣя довольно силъ къ перенесенію оскорбительнаго подозрѣнія, которое я на нее имѣлъ, она лишаетъ себя жиз-

ни, желая избавить меня отъ новаго преступленія. „Опвратише еще большее, сказалъ мнѣ духовникъ мой умирающимъ голосомъ: сынъ вашъ невиненъ.„ — Едва услышалъ я слова сіи, какъ бросился къ шебѣ на помощь; но уже было поздно; смертная блѣдность покрывала лице пвое, и я могъ только выговорить, чпобѣ пебя вынесли; чпо было немедленно и исполнено. Тогда, пришедъ нѣсколько въ себя, я послалъ за великимъ Инквизиторомъ, а между тѣмъ пошелъ въ комнаты Королевы; но не успѣлъ еще до нихъ дойти, какъ вопль ея женщинѣ извѣстилъ уже меня объ ея кончинѣ. Обремененъ будучи такими нещаспіями, я едва было не изнемогъ отъ опчаянія;

однако желаніе оправдать твою память, побудило меня возвратиться къ своему духовнику; но едва успѣлъ я къ нему подойти, какъ онъ закрылъ глаза на вѣки. Вскорѣ пришелъ великой Инквизиціи порѣ и я сказалъ ему то, что слышалъ отъ умирающаго; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что безъ сомнѣнія приближеніе смерти помрачило его разумъ, и что впрочемъ за неимѣніемъ свидѣтелей сему признанію, благоразуміе запрещало мнѣ оправдывать тебя въ преступленіи, за которое осудила тебя Инквизиція. Вотъ, сынъ мой, какъ Провидѣніе наказало меня за слѣпую мою довѣренность къ симъ бездѣльникамъ, которые называютъ себя служителями вѣры; но я награжденъ за свои спрда-

нія : ты непоспимымъ сча-
спіемъ избѣжалъ злобы сихъ
кровожадныхъ изверговъ, и я бу-
ду совершенно спокоенъ, еспли
ты простишь меня за неспра-
ведливое швое осужденіе. „ —
Ахъ ! бапюшка , могу ли я
имѣть на васъ неудовольствіе,
когда вы возвращаете мнѣ свою
любовь! — „ Ты всегда былъ ее
достоинъ. Но какимъ образомъ
дашь знать Гишпаніи , всей
Европѣ . . . Чшо мнѣ нужды
до мнѣнія другихъ , когда ро-
дипель мой увѣренъ въ моей
невинности? Не думайте, чшо
я желалъ васъ видѣть для шо-
го , чшобъ заняшь опять шо
мѣсто, которое принадлежитъ
мнѣ по праву рожденія. Ахъ !
я слишкомъ увѣренъ , что
блескъ знашности и неогра-
ниченная власть не соспавя-

ютъ благополучія жизни. Будучи живъ для васъ, я умеръ для прочихъ. Я хочу жить въ безвизѣспности и въ опдаленіи отъ проласпей, окружающихъ величество. Таково мое непремѣнное намѣреніе: я удаюсь въ какое нибудь тихое мѣстечко Европы и буду проводить тамъ мирные дни съ тѣмъ, кому обязанъ жизнию и щасіемъ васъ видѣть, по ешь, съ добрымъ и вѣрнымъ моимъ другомъ Дюпре. Не забывай, любезной сынъ, сего безцѣннаго человѣка, которой такъ много тебя любитъ; естли бы я имѣлъ такого друга, то не пролилъ бы швоей крови. Я одобряю благоразумное швое намѣреніе; ибо изобличеніе злодѣйствъ, коихъ шы былъ жершвою, можетъ

произвестъ волненіе въ народѣ, которое вѣрно будетъ имѣть плачевныя слѣдствія; оно возбудишь противъ тебя ненависть сего ужаснаго судилища, коего власть приводитъ меня въ трепетъ, и можетъ быть мнѣ не возможно будетъ спасти себя. Побѣжай въ Кадиксѣ, сядь тамъ на корабль и когда назначишь мѣсто твоего пребыванія, то немедленно меня о томъ уведоми; одно изъ главнѣйшихъ моихъ удовольствій будетъ слышать о тебѣ. Только Дюпре, сестра его и лѣкарь знаютъ, что ты живъ и такъ они съ тобою побѣдуютъ; ибо если бы кто нибудь въ моихъ владѣніяхъ зналъ сію тайну, то могъ бы нѣкогда нарушить ихъ спокойствіе.

Сии три друга приняли съ удовольствіемъ предложеніе опца моего; мы разсуждали, какимъ образомъ выѣхать изъ Гишпаніи, и самъ Король взялся доставить намъ пашпорты подъ чужими именами.

Онъ безпрестанно ласкалъ меня, изъясняя между шбмъ свое удивленіе о томъ, какъ я оспался живъ. Лѣкаръ мой сказалъ ему, что хошя это казалось очень странно съ перваго взгляда, однако было впрочемъ очень натуральнѣю. Если бы Донъ Карлоса не вынимали изъ теплой воды, говорилъ онъ, то кровь продолжала бы ишти, и безъ сомнѣнія онъ лишился бы жизни; но такъ какъ вы приказали его вынести въ самое то время, когда онъ опъ слабости лишилъ.

ся силъ, по внезапной холодъ остановилъ остальную кровь, и это послужило къ его спасенію.

Вы видите, бабюшка, вскричалъ я, бросаюсь въ его объятія, чпо вы сами спасли меня, и такъ примите мою благодарность. Прижавъ меня къ своему сердцу, онъ вышелъ и увѣрялъ въ непремѣнной любви своей. Дюпре поѣхалъ за Королемъ во дворецъ, чпообъ получить обѣщанные имъ намъ пашпорты; онъ возвратился съ ними часа черезъ два и при томъ привезъ еще изрядной величины ящикъ, которой прислалъ мнѣ отецъ мой. Я нашелъ въ немъ записную книжку съ билетами на знанѣйшіе банки въ Европѣ; сверхъ того въ немъ было множество

драгоцѣнныхъ камней самой высокой цѣны. Въ продолженіе времени я продалъ ихъ и получилъ за нихъ около шестидесяти милліоновъ.

На другой день мы отправились въ Кадиксъ, гдѣ Дюпре нанялъ на мой щепъ корабль, и когда все было готово, то мы поплыли къ Ирландіи. Мы были уже противъ острова Мана и готовились поворошить къ Доунъ - Паприку, какъ вдругъ поднялся столь жестокой вѣтръ, что мы были принуждены опустить всѣ паруса, пересхали управлять рулемъ и предались на волю Провидѣнія. Наконецъ буря утихла; но по прошествіи пяти дней насъ принесло къ берегамъ Шотландіи.

Изнуренъ будучи безпокойствомъ, я велѣлъ спуститъ шлюпку, и съѣвъ въ нее съ Дюпре и нѣсколькими мапрозами, отправился къ берегу. Мы пристали прошивъ каменныхъ горъ, копорыя служатъ мнѣ теперь убѣжищемъ, и я нашелъ въ нихъ хижину, гдѣ вы у меня были. Въ ней жилъ старой рыбакъ, копорой принялъ насъ ласково. Когда я нѣсколько отдохнулъ, то хозяинъ нашъ, желая показатъ мнѣ всѣ части своего жилища, зажегъ факелъ и повелъ меня по обширнымъ подземельямъ, находящимся подъ горами.

Мнѣ очень полюбилось изъ расположеніе, и я рѣшился оснаться шупъ жить, увѣренъ будучи, что могу прожить такимъ образомъ въ безвизвѣ-

спности. Послѣ несчастій, со мною приключившихся, я опасался, чшобѣ нечаянная встрѣча или какое нибудь непредвидѣмое приключеніе не открылѣ моего имени, что могло бы разрушить навсегда мое щастіе и спокойствіе. Я сообщилъ рыбаку свое желаніе поселиться вѣ его убѣжищѣ, и онѣ охотно на то согласился, когда услышалѣ, что можетѣ путь спокойно кончить жизнь свою. Тогда велѣлъ я перевезти то, что привезѣ съ собою, и какѣ скоро все было перевезено, то оставя съ рыбакомѣ лѣкаря и сестру Дюпре, возвратился я на корабль и отправился во Францію.

Вскорѣ прибыли мы вѣ Брестѣ, и я немедленно побѣхалѣ съ Дюпре вѣ Парижѣ; я зналъ, что

Мендозе удалися вѣ сію столицу ; ибо вѣ продолженіе моего ареста получалъ я нѣскольکو разѣ отѣ него извѣстія. Пелагая , чіпо и до него дошелъ слухъ о моей смерти , не хотѣлъ я показаться къ нему нечаянно ; эіпо могло бы сдѣлать ему вредъ. Я послалъ къ нему Дюпре, говоря, чіпо бѣ онъ объявилъ сѣ возможною оспорожностію о снранномъ мѣемъ избавленіи.

Черезъ часъ Дюпре возвратился сѣ Мендозе. Радость наша была чрезмѣрна , и мы долго не могли выговорить ни слова ; наконецъ другъ мой вскричалъ : „и пакъ эіпо вы , избавипель мой ! Я безпреспанно васъ оплакивалъ. Ахъ , вы всемъ для меня пожертвовали ; но можетъ ли моя дружба за-

мѣнить престолѣ? — Чшо ты говоришь о престолѣ, отвѣчалъ я? Я твой другѣ, и вошѣ самое драгоценное названіе для моего сердца! Забудемѣ суетное величіе, которое меня окружало; я оставилѣ все безѣ сожалѣнія. Въ объявіяхѣ дружбы я буду проводить мирные дни, которыхѣ не будутѣ оправлять придворная полишика и лукавство.

Тогда рассказалъ я Мендозе все то, что со мною случилось съ тѣхѣ порѣ, какѣ его избавилѣ. Между тѣмѣ, какѣ я говорилѣ, видѣлѣ я на лицѣ его горестъ и сильное негодованіе; но какѣ скоро упомянулѣ о томѣ, чѣмѣ былѣ обязанѣ Дюпре, то бросилѣ онѣ обнимать его, прижималѣ къ своему серд-

цу и клялся быть вѣчно его другомъ.

Когда я увѣдомилъ Мендозе о мѣстѣ, гдѣ назначилъ свое пребываніе, и когда онъ общалъ мнѣ вхашъ со мною, то я спросилъ его о тѣхъ женщинахъ, которыхъ освободилъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я избавилъ мать вмѣстѣ съ дочерью, которыя пріѣхали въ Парижъ къ мапери, женщинѣ споль же почтенной своими лѣтами, какъ умомъ и нещасіемъ. Онъ прибавилъ, что живетъ съ ними въ одномъ домѣ и былъ единственнo обязанъ ихъ вниманію спасеніемъ своей жизни, когда узналъ о несправедливомъ моемъ осужденіи.

Мендозе, будучи увѣренъ, что имъ пріятно будетъ ви-

дѣшъ своего избавителя, повелѣ меня въ свой домѣ и пошелѣ предувѣдомитѣ ихѣ о моемѣ приходѣ. Вскорѣ возвратилсѣ онѣ и повелѣ меня къ нимѣ. Какѣ скоро я вошелѣ, то онѣ бросились ко мнѣ въ ноги; я поднялѣ ихѣ немедленно, и старшая изѣ нихѣ предсказала меня своей мапери, которая посадила меня подлѣ себя. „Извините, сказала она, что слабосилѣ моя препяшислушуетѣ мнѣ извѣщать вамѣ мою благодарносилѣ за избавленіе дѣшей моихѣ, такѣ какѣбы я того желала., — Естли я имѣлѣ щасилѣ бытѣ имѣ полезенѣ, ошѣчалѣ я, то это самое довольно уже меня награждаетѣ; но пожалуйста скажите, кшо сіи любезныя особы, которымѣ я могѣ бытѣ полезенѣ, и ка-

кимъ образомъ попались онѣ въ Инквизицію? Тогда услышалъ я, что спарая сія дама была супруга несчастнаго Киспона. Она рассказала мнѣ свои приключенія точно такъ, какъ вы читали ихъ, писанныя его кровію. Она прибавила, что на другой день не знала, чему приписать его отсутствіе; что отецъ ея казался очень огорченъ и она никакъ не подозрѣвала, что онъ самъ его похищилъ. Но она никакъ не могла повѣрить, что онъ ее супругъ оставилъ ее, такъ какъ Лордъ Чапманъ старался ее въ томъ увѣрить. Однако не получая о немъ никакого извѣстія, хотя безпрестанно о немъ развѣдывала, она изнемогла бы отъ отчаянія, если бы ее не подкрѣпляла машерная лю-

бовь, которая давала ей силы бороться съ горестію. Время ея разрѣшенія приближалось, какъ вдругъ занемогъ отецъ ея; онъ жаловался жестокою головою болью и умеръ въ девятой день. Въ послѣднія минуты жизни своей признался онъ своей дочери, что самъ похищилъ Киспона и заперъ его въ. . . . Сказавъ это, закрылъ онъ глаза на вѣкъ, и сія несчастная женщина не могла ничего болѣе узнать.

Супруга Киспонова не хотѣла уже жить послѣ смерти отца своего въ томъ мѣстѣ, гдѣ всего лишилась. Вскорѣ продала она свои земли и уѣхала во Францію, гдѣ родила дочь, которую выдала семнадцати лѣтъ за Секрешаря Гишпанскаго Посольства. По смер-

ши ея мужа должна она была ъхать въ Гишпанію за наслѣдствомъ, гдѣ познакомила съ однимъ монахомъ, копорой вошелъ въ ея домъ подѣ предлогомъ подашь ей добрыя совѣшы, а между тѣмъ старался единственно развращить дочь ея. Она принуждена была выгнать его съ безчестіемъ. Дерзкой сей пресупникъ, стараясь ошмстить ей, оклеветалъ ее съ дочерью въ Инквизиціи, гдѣ онѣ конечно погибли бы безъ моей помощи.

Исторія Киспоновой супруги меня очень пронула: я не могъ смотрѣть безъ жалости на сію почтенную и несчастную женщину и на дочь ея, копорая была еще хороша, и на внуку ея, молодую и прекрасную Шарлотту. Я объявилъ имъ

свое намѣреніе удалившисьъ въ Шотландію, и Лади Кисптонъ услышавъ названіе сей земли, копорая была для нее споль любезна и бѣдственна, вздохнула и не могла удержашь слезъ своихъ. Когда узнала она планъ будущей мѣей жизни и причины, копорыя меня къ тому побуждали, шо совершенно его одобрила.

Мендозе сказалъ, что впредь ничто уже не можетъ различить насъ, и что онъ всюду за мною послѣдуетъ. Онъ предложилъ симъ дамамъ ѣхать съ нами и сдѣлать наше убѣжище еще пріятнѣе. Долго не могли онѣ на шо рѣшиться, хотя ничто не удерживало ихъ во Франціи; но наконецъ согласились, когда предложилъ я свою руку и сердце прекрас-

ной Шарлоттѣ, къ которой почувствовалъ сильную спрасъ. Она не отказалась составишь мое благополучіе и черезъ два дни мы соединились священными узами.

Между тѣмъ, какъ я наслаждался пріятностями любви въ объятіяхъ своей милой супруги, Мендозе и Дюпре собирали художниковъ и приготавливали все нужное къ отдѣлкѣ нашего подземельнаго жилища. Какъ скоро все было готово, то отправились мы въ Брестъ, гдѣ сѣли на корабль со всею нашею свинюю и вскорѣ прибыли благополучно въ Шопландію.

Во время нашего отсутствія лѣкарь мой сдѣлалъ планъ для расположенія и украшенія нашего жилища, и мы прибавили

еще нѣчто къ его мыслямъ: мы вздумали впускить свѣтъ въ наше подземелье, прорывъ горы, которая была не прищупны. Вскорѣ началась работа и наконецъ все было кончено черезъ три года.

Разныя упражненія, которыми мы себя занимали, доставили намъ множество удовольствій въ сихъ необитаемыхъ мѣстахъ, и мы наслаждались истиннымъ щаспемъ. Мы были любимы и почитаемы всѣми насъ окружающими, и привязали ихъ къ себѣ на всю жизнь. Вы видите еще многихъ изъ нихъ; они всѣ мнѣ совершенно преданы. Но ахъ! неумолимая смерть похишила друзей моихъ: Мендозе, супруга моя, ея мать и Лади Киспонъ скончались въ моихъ объятіяхъ.

яхъ. Жестокая Парка прекра-
шила также жизнь Дюпре и я
почти всего лишился; но у ме-
ня оспались еще двое милыхъ
дѣтей для услажденія старос-
тѣи моей; онѣ однѣ привязы-
ваютъ меня къ жизни, и онѣ
только могутъ наполнить
ужасную пустоту моего серд-
ца, произведенную невозврат-
ными потерями.

Гюпнеръ и Шарлотта, про-
нушенные послѣдними словами
отца своего, бросились въ его
объятія и орочали лице его
слезами дѣтской любви и пре-
данности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Трудно бы было описать
удивленіе Сиръ Карла и отца

его, когда они услышали приключенія Донъ Карлоса. Они глядѣли на него съ почтеніемъ, и имъ казалось, что они видѣли передъ собою человѣка, возвращеннаго изъ царства мертвыхъ сверхъ естественною силою.

Милордъ Келли, вспомнивъ, что Сиръ Карлъ возвратился изъ Ямайки на кораблѣ, которымъ командовалъ Гютнеръ, сказалъ Донъ Карлосу, что не понималъ, какимъ образомъ согласился онъ распаться съ своимъ сыномъ и подвергнуть его опасностямъ мореплаванія. Донъ Карлосъ отвѣчалъ ему, что хотя обладалъ еще великимъ богатствомъ; однако желая избавить дѣтей своихъ отъ превратностей и несправедливости фортуны, онъ не

упускалъ ничего къ ихъ образованію; что всѣ художники, находившіеся въ его убѣжищѣ, были учителями Гюшнера и Шарлопшы, и мало по малу сообщили имъ свои познанія, почему дѣти его и могли жить безъ нужды во всякомъ состояніи. Онъ прибавилъ, что такъ какъ другъ его Дюпре принужденъ былъ ѣздить нѣсколько разъ на кораблѣ для покупки нужныхъ припасовъ, то Гюшнеръ бывалъ съ нимъ въ послѣднихъ его путешествіяхъ и очень любилъ мореплаваніе, почему онъ и старался возбуждать въ немъ охоту къ торговлѣ, въ чемъ и успѣлъ; и что наконецъ Гюшнеръ, побывавъ нѣсколько разъ на берегахъ Шотландіи и Англіи, захопѣлъ съѣздить въ Америку, и воз-

вращаясь отсюда, привезъ съ собою Сиръ Карла.

Между шѣмъ, какъ старики занимались симъ разговоромъ, Гюпнеръ и другъ его совѣщивали, какимъ бы образомъ поймать незнакомца, копорой нечаяннымъ своимъ явленіемъ безпокоилъ Сиръ Карла.

Такъ какъ Донъ Карлосъ желалъ скрыть свое жилище отъ взоровъ любопытныхъ, то горы, находящіяся около него, были срыты отъѣско и составляли окружность, неприступную снаружи; но внутри подземельевъ были сдѣланы на нихъ ходы, гдѣ былъ прекрасный садъ, образецъ самаго труднаго и удивительнаго произведенія рукъ человѣческихъ. Почему вздумали съ общаго согласія спрягать всѣхъ людей

Донъ Карлоса въ ущелинахъ близъ лежащихъ горъ, а Сиръ Карлу гулять на вершинѣ окружающихъ скрытое жилище, чтобъ привлечь незнакомца, котораго вѣрно было немедленно ловить.

Когда всѣ были разспавлены по назначеннымъ мѣстамъ, то Сиръ Карлъ взошелъ на самую вершину горъ, находящихся около жилища, и былъ восхищенъ представившимся ему зрѣлищемъ. Касаясь почти облаковъ, онъ видѣлъ обширной горизонтъ и терялся взоромъ въ безконечномъ пространствѣ. Морскія волны разбивались съ шумомъ о камни, находящiеся на берегу, а вдали видны были корабли, которые то возносились къ небсамъ, то опускались въ без-

дну. Съ одной стороны земля, усѣянная скалами, представляла Сирѣ Карлу громады каменьеѣ, сосѣвляющихѣ глубокую подѣ нимѣ пропасть, сдѣланную еще ужаснѣе человеческими руками. Внутри же горѣ, по которымѣ гулялъ онѣ, самыя рѣдкія растѣнія плѣняли зрѣніе: путь видны были зеленые ковры, покрытые разными цвѣтами; шамѣ множество деревьеѣ дѣлали густую тѣнь и сосѣвляли бесѣдки, куда солнечной лучь не могѣ проникнуть; далѣе извивающійся ручей спремился между кустовѣ и соединялъ свое журчаніе съ пѣніемѣ птицѣ. Однимѣ словомѣ, садѣ сей представлялъ искусство во всей его славѣ, и украшенное припомѣ природою.

Сирѣ Карлѣ смотрѣлъ съ восхищеніемъ на сію прекрасную каршину, и съ неудовольствіемъ отвращалъ отъ нее взоры, ожидая незнакомца; однако онъ не показывался. Наконецъ, почувствовавъ усталость, сѣлъ онъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ и вынувъ изъ кармана книгу, которую взялъ въ бібліотекѣ Донъ Карлоса, хотѣлъ занятыя чпениемъ.

Хошя глаза Сирѣ Карла были успрямлены въ книгу, но онъ никакъ не могъ читати: множество идей представлялись ему одна за другою; воспоминаніе о матери и сестрѣ, находившихся во власти злобнаго Перкинса, возобновили въ немъ неперпѣніе освободити ихъ. Онъ хотѣлъ бы немедлен-

но лешѣть къ нимѣ на помощь; но Шарлотта его удерживала; любовь сильно уже овладѣла его сердцемѣ.

Углубившись въ пріятныя размышленія о прелестной Шарлоттѣ, онѣ забылъ настоящую причину, для которой находился на горахѣ, какѣ вдругѣ увидѣлъ человѣка, ѣдущаго верхомѣ. Разсмапривая его со вниманіемѣ, узналъ онѣ въ немѣ незнакомца, которой вѣѣхавѣ въ горы, вскорѣ скрылся.

Тщешно ожидалѣ Сирѣ Карлѣ, что онѣ опять покажется; наконецѣ наступила ночь, и онѣ принужденѣ былѣ возвратиться въ подземелье, досадуя на то, что не успѣлъ въ своемѣ предпріятіи, и слѣдственно не зналъ, какимѣ образомѣ подать помощь несчастной своей ма-

пери и сестрѣ. Гюннерѣ раздѣлялъ неудовольствіе Сирѣ Карла; любовь къ Женни побуждала его участвовать въ прискорбіяхъ своего друга.

Милордъ Келли былъ также очень огорченъ, когда услышалъ о неудачѣ своего сына, а Донъ Карлосъ употреблялъ всѣ средства, чтобы его утѣшить; наконецъ онъ замѣшилъ, что такъ какъ Сирѣ Карлъ нашелъ Киспоновъскелетъ въ Перкинсовомъ замкѣ, то вѣроятно это былъ самой пошлѣ, которой принадлежалъ некогда Лорду Чапаму; следовательно можно было его опылкать, хотя уже прошло шестьдесятъ лѣтъ, какъ былъ онъ проданъ. Сія мысль была всѣми одобрена, и съ общаго согласія положено было послать провор-

наго челоуѣка вѣ Спиромѣ , городѣ , лежащій вѣ пятидесяти миляхѣ , и поручить ему узнать , гдѣ находился замоуѣ . Предпріятіе сіе возобновило надежду Милорда Келли и его сына , и они льстили , что достигнутъ на конецѣ в своей цѣли .

Сирѣ Карлѣ , вспавѣ на другой день , спѣшилѣ напомнить Донѣ Карлосу , что онѣ хотѣлѣ послать оыскивать Перкинсовѣ замоуѣ ; но Гюшнерѣ предупредилѣ его и одинѣ изѣ служителей былѣ уже оправленѣ сѣ обѣщаніемѣ получить большое награжденіе , еспѣли успѣетѣ вѣ порученномѣ ему дѣлѣ .

Два друга , разговаривая сѣ удовольствіемѣ о Шарлоттѣ и Женни , пришли кѣ морскому берегу . Они сѣли вѣ разсѣлинѣ

горы и долго мечтали о щастіи, коимъ надѣялись нѣкогда насладиться, какъ вдругъ Сиръ Карлу вздумалось набрать нѣсколько раковинъ, свѣпящихся отъ солнечныхъ лучей. Едва успѣлъ онъ ошойти нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ вдали незнакомца. Припворясь, будто не примѣтилъ его, онъ пошелъ къ Гюннеру и предупредивъ его о томъ, продолжалъ итти вдоль берега. Между тѣмъ незнакомецъ шелъ скорыми шагами къ Сиръ Карлу, а Гюннеръ, пропустивъ его мимо разсѣлины, въ копорую спряшался, пошелъ тихонько за нимъ и схватилъ его сзади въ самое то время, какъ онъ кричалъ: „Сиръ Карлъ, развѣ ты забылъ свои кляпвы и сестру свою? — Тогда онъ спа-

рался вырваться; но Сирѣ Карлѣ подбѣжалъ на помощь къ Гюшнеру и не взирая на сильное его сопротивленіе, они его повадили. Видя, что небольшая маска закрывала лице его, Сирѣ Карлѣ немедленно сорвалъ ее, и какъ описать его удивленіе, когда узналъ онъ негоднаго Шмиша, сего стараго классическаго поварища, которой завелъ его въ мошеннической карточной домъ, и коего онъ считалъ уже умершимъ послѣ того, какъ выходилъ съ нимъ на дуэль. „Эпо ты, бездѣльникъ, сказалъ Сирѣ Карлѣ? ты, которой служишь такимъ гнуснымъ образомъ злымъ неприятелямъ моихъ родителей! — О! должно непременно избавить землю отъ сего изверга, вскричалъ Гюшнеръ. „Нѣтъ,

мой другъ, отвѣчалъ Сиръ Карлъ, не будемъ осквернять своихъ рукъ; мы заставимъ его проводить насъ къ Шеркинсову жилищу и доставимъ способъ освободить любезнѣйшихъ намъ особъ, похищенныхъ варваромъ.

Шмитъ будучи также подлѣ, какъ и всѣ люди такого рода, лежалъ въ ногахъ у Сиръ Карла и Гюпнера и просилъ ихъ пощадить жизнь его, обѣщая исполнить все то, что имъ угодно. Гюпнеръ, видя одного изъ злодѣевъ своего друга, могъ съ трудомъ удержанъ гнѣвъ свой; однако униженіе сего бездѣльника возбудило въ его сердцѣ презрѣніе и онъ согласился не лишиться его жизни.

Гюпнеръ и Сиръ Карлъ оповѣстили немедленно Шмита въ свое

жилище и спѣшили увѣдомить о помѣ своихъ родителей. Они спрашивали его, и онъ признался, что вскорѣ послѣ ссоры своей съ Сирѣ Карломъ узналъ Перкинса, которой обѣщавъ ему большое награжденіе, если онъ доставитъ ему Милорда Келли и его сына; что стараясь шпешно узнать о первомъ, онъ рѣшился похитить Сирѣ Карла, и не найдя удобнаго случая исполнить того до отбѣзда его въ Ямайку, всюду за нимъ слѣдовалъ что опасаясь лишиться обѣщаннаго награжденія, пропился отбѣзду корабля отъ острова, когда Сирѣ Карлъ былъ въ грошѣ, и когда пришли въ Плимутъ, то похитилъ онъ его и ~~■~~везъ въ Перкинсовъ замокъ. Вскорѣ послѣ

того одинъ изъ его шпіоновъ увѣдомилъ его о томъ, что Милордъ Келли прибылъ въ Англію и побѣхалъ въ Лондонъ, откуда хотѣлъ отправиться въ Шотландію; что тогда Перкинсъ рѣшился уже, какимъ образомъ опмститъ, и поручилъ ему не опсшавать опъ Сиръ Карла съ самаго того времени, какъ вывезли его изъ замка, обѣщая щедрое награжденіе за труды его.

Потомъ Сиръ Карлъ спросилъ, гдѣ находился Перкинсовъ замокъ; но Шмитъ никакъ не хотѣлъ сего сказать; онъ опасался мщенія злобнаго варвара. Однако наконецъ его склонили, обѣщая взять всѣ нужныя мѣры къ его безопасности, и онъ объявилъ, что замокъ изверга находится въ

двадцати миляхъ между неприступными горами и удаленъ отъ пробъзжей дороги.

Донъ Карлосъ, которой обвѣхалъ на шридцать миль кругомъ своего жилища, не видавъ нигдѣ обишаемаго мѣста, сомнѣвался въ справедливости Шмишовыхъ словъ; но онъ утверждалъ, что говорилъ правду и обѣщался провести къ замку неизвѣстными дорогами.

Донъ Карлосъ, радуясь тому, что поймали человѣка, столь нужнаго гостямъ его, велѣлъ запереть его въ особенное подземелье, гдѣ давали ему все нужное, и прислалъ къ нему двухъ караульщиковъ.

Сиръ Карлъ, надѣясь наконецъ найти мѣсто, гдѣ заключены были мать его и сестра,

совѣтовался съ своими друзьями, какимъ образомъ освободить ихъ изъ рукъ Перкинса. Милордъ Келли просилъ у Донъ Карлоса его служителей съ тѣмъ, чтобъ войти силою въ замокъ и опяять у варвара вооруженною рукою супругу и дочь свою; но Гюшнеръ и Сиръ Карлъ почипали сіе невозможнымъ. Перкинсъ имѣлъ въ своемъ замкѣ множество людей, слѣпо ему преданныхъ, которые гошovy были жершвовать для него жизнью; а ештьли бы они и одолбли ихъ, шо легко могло спаться, что злодѣй умершвилъ бы собспвенными руками несчастную Женни въ обьяшяхъ ея мапери, и смбшаль бы кровь невинныхъ сихъ жершвв.

Сирѣ Карлѣ и отецѣ его содрогнулись при этой мысли; и зная, что Перкинсѣ былѣ удобенѣ ко всякому пресступленію, они оставили намѣреніе освободить силою драгоценныя предметы ихѣ привязанности, и старались успѣть въ томѣ какую нибудь хитросію. Наконецѣ подумавѣ нѣсколько времени, положили, чѣобѣ Сирѣ Карлѣ возвратился къ Перкинсу и сказалѣ, что исполнилѣ свою клятву и чѣо можетѣ слѣдственно требовать, чѣобѣ онѣ сдержалѣ свое слово; а Милордѣ Келли переодѣвшись и закрывѣ лице, вошелѣ бы за нимѣ подѣ именемѣ лакея; чѣобѣ ихѣ отвелѣ къ замку Шмитѣ и оснался бы подѣ присмотрѣмѣ Гюшнера и двухѣ другихѣ караульщиковѣ, кошо-

рые могутъ взять еще нѣсколько своихъ товарищей и иппи къ нимъ на помощь, если они долго замедлятъ.

Планъ сей казался очень благо-разуменъ, и его сообщили Шми-пу, желая отъ него узнать, не будетъ ли какихъ затрудненій къ его исполненію. Онъ отвѣчалъ, что не видитъ никакихъ; но совѣтовалъ только оширавиться въ дорогу ночью, чтобъ пріѣхать до разсвѣта и имѣть время спрятасться въ какую нибудь пещеру; иначе бы можно было повспрѣчаться съ Перкинсовыми шпионами, которые часто развѣзжаютъ около замка.

Милордъ Келли и сынъ его, не находя опасности послѣдованъ Шмипову совѣту, изготовились въ дорогу, и какъ ско-

ро наступила ночь, то побѣжали на прекрасныхъ лошадяхъ, доставленныхъ имъ Донъ Карлосомъ.

Гюннеръ шелъ впереди съ Шмипомъ, подлѣ кошораго были два служителя, голые засырѣли въ него, если бы вздумалъ онъ уйти; за ними следовалъ Сиръ Карлъ и отецъ его. Милордъ Келли надѣлъ самое простое платье и закрылъ себѣ половину лица, чтобъ Перкинсъ не могъ никакъ узнать его.

Они прибыли къ его жилищу прежде солнечнаго восхода и вошли въ пещеру, кошую имъ указалъ Шмипъ. Тамъ, ожидая дневнаго свѣта, они отдыхали; наконецъ нешерпѣливой Сиръ Карлъ проснулся

сѣ Гюшнеромъ и пошелъ сѣ своимъ опцемъ вѣ замокъ.

Они приняты были людьми, одѣтыми по шамошнему обыкновенію и одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пропустишь Лорда Келли; но услышавъ, что онъ былъ служитель Сиръ Карла, пустилъ его безъ сопротивленія. Ихъ отвели вѣ ту самую комнату, гдѣ содержался Сиръ Карлъ, поставили завѣпакъ и заперли двери. Сей послѣдній думалъ, что они будутъ немедленно представлены Перкинсу; но видя, что ихъ заспавляли ждашь, опасался новаго започенія; онъ поздно увидѣлъ свое неблаго-разуміе, что самъ опдался вѣ руки своему гонителю. Тогда горестъ овладѣла его сердцемъ, и онъ шрепешалъ за своего оп-

ца ; ему казалось , что не взирая на всѣ предосторожности, Перкинсѣ можетъ его узнать, и что безразсуднымъ своимъ поступкомъ причинитъ онъ ему гибель.

Милордъ Келли, будучи спокойнѣе своего сына, не опасался лишиться жизни ; онъ надѣялся спасти ее отъ злобы Перкинса ; но боялся, что если они замѣшкаютъ возвратиться къ Гюпнеру, то чтобъ онъ , по неперпѣнiю и привязанности къ друзьямъ своимъ, не сдѣлалъ чего нибудь, могущаго причинить вредъ какъ имъ, такъ и самому ему.

Безпокойство Сирѣ Карла и отца его увеличилось, когда увидѣли они приближенiе ночи. Цѣлой день никто къ нимъ не входилъ и уже прошелъ часъ

послѣ солнечнаго захожденія ,
но все еще было тихо.

Сии несчастные предались
самымъ гореснымъ мыслямъ,
какъ услышали шумъ въ ко-
ридорѣ; вскорѣ сдѣлался онъ
сильнѣе; дверь отворилась и
къ нимъ вошло множество лю-
дей, у коихъ лица были закры-
ты по обыкновенію; нѣкоторые
изъ нихъ держали факелы.
Они сдѣлали Сирѣ Карлу знакъ
за ними слѣдовать и онъ полк-
нули оица его, кошорой хо-
тѣлъ съ нимъ итти. Тогда
Сирѣ Карлъ сказалъ, что
еслили служилея его за нимъ
не пускающъ, то онъ не выдетъ
изъ комнаты. Сосбщники Пер-
кинсовы долго были въ нерѣ-
шимости, наконецъ одинъ изъ
нихъ пошелъ къ нему, и воз-
вращаясь въ скоромъ времени,

позволилъ Лорду Келли итти за его сыномъ.

Ихъ привели въ залу гробницы, гдѣ они увидѣли Перкинса, которой немедленно выслалъ всѣхъ служителей. „И такъ, сказалъ онъ Сиръ Карлу, ты исполнялъ свою клятву? — Я сдѣлалъ все то, чего ты отъ меня требовалъ. — Для чего же ты принудилъ меня напомнить тебѣ о своемъ обѣщаніи? за чѣмъ ты не исполнилъ моего повелѣнія тогда же, когда встрѣтился съ преступникомъ, котораго клялся наказать? — Я имѣлъ право медлить; ибо я былъ ему обязанъ жизнию.— „Какъ! что это значить? вскричалъ Перкинсъ. — Такъ какъ ты почти все знаешь, что со мною случилось, то я долженъ еще сказать

шебѣ, что на морскомъ берегу подвергалъ онѣ жизнь свою опасности, защищая меня отъ нападенія разбойниковъ. — „Да, я это слышалъ; но какимъ образомъ дошелъ ты одинъ до моего замка? — Мнѣ указалъ дорогу шотъ, кому поручилъ ты напоминать мнѣ о клятвѣ. Гдѣ же онѣ теперь находится? — Не знаю. — „Кто шотъ спарикъ, у котораго ты жилъ на морскомъ берегу? — Рыбакъ. — „Кто шотъ молодой человекъ, съ которымъ ты шамъ встрѣтился? — Капитанъ того корабля, на которомъ я возвратился изъ Ямайки. — „И такъ ты поразилъ преступника у рыбака, которому былъ обязанъ гостепріимствомъ? — Нѣтъ, я не хотѣлъ, чтобъ онѣ былъ пому

свидѣшлемъ. — „Очень хорошо; это справедливо; но за чѣмъ ты желалъ, чтобы служитель твой былъ необходимо при тебѣ? — Полагаясь на обѣщаніе твое возвратишь мнѣ сестру мою, я привелъ его для того, чтобы онъ помогъ мнѣ доставить ее въ обѣянія отца моего и матери, съ которыми ты также далъ слово соединить меня. — Ты будешь вскорѣ удовольствованъ. — Позволь мнѣ просить тебя о немедленномъ исполненіи. — „Еще одно слово: и такъ ты точно удовлетворилъ моему мщенію, и преступникъ погибъ отъ руки твоей? — Вотъ кольцо, которое ты требовалъ. — Подай его, чтобы я могъ увѣришься, точно ли оно то самое?

Сирѣ Карлѣ подошелъ къ Перкинсу и подалъ ему кольцо отца своего; тогда онъ, вставъ съ креселъ, схватилъ пистолетъ и выстрѣливъ въ Сирѣ Карла, вскричалъ: „я исполняю свое обѣщаніе; ты убилъ отца своего, вотъ твоя награда!—Но по щаслию, Милордъ Келли, замѣчавшій всѣ движенія изверга, успѣлъ ударить его по рукѣ, прежде нежели онъ выстрѣлилъ, и такимъ образомъ обративъ ударъ, спасъ жизнь Сирѣ Карла.

Удачная послѣдственность Милорда Келли, столь благопріятная его сыну, была пагубна ему самому: покрывало, закрывавшее половину лица его, спало и Перкинсъ узналъ его. Измѣна! вскричалъ онъ: я вижу Милорда Келли;—когда мще-

ніе не совершено, по оно будетъ шѣмъ ужаснѣе.

Раздраженный Перкинсъ кликнулъ людей своихъ и велѣлъ имъ схватить Милорда Келли и сына его. Тогда сіи несчастные прибѣгнули къ оружію, которое было спрячано подъ ихъ плащемъ; они ранили многихъ изъ служителей своего тирана, но со всѣмъ своимъ мужествомъ не могли противиться чрезмѣрному ихъ множеству. Вскорѣ были они обезоружены: Милордъ Келли упалъ и злодѣи немедленно на него кинулись. Сиръ Карлъ, не могши подать помощи опцу своему, бросился въ двери и ушелъ, не взирая на усиліе своихъ непріятелей. Зная все переходы въ домъ, онъ пробрался къ саду; за нимъ гна-

лись пять или шесть Перкин-
совыхъ сообщниковъ ; но какъ
имѣ мѣшала длинная ихъ оде-
жда, то они принуждены бы-
ли его оставишь и останови-
лись по среди сада. Только
одинъ изъ нихъ не отспавалъ
опѣ него; но Сирѣ Карлѣ, на-
прягая всѣ силы свои, побѣ-
жалъ къ тому мѣспу, гдѣ за-
мѣшилъ въ прежній разѣ ку-
спарники, черезъ копорые могъ
уйти. Онѣ прибѣжалъ туда
гораздо прежде того, копорый,
за нимѣ слѣдовалъ, влѣзъ на
стѣну и не смотря на то, что
паденіе его могло быть опас-
но, бросился на другую сто-
рону.

Онѣ упалъ въ густую пра-
ву, и, не сдѣлавъ себѣ вреда,
вскочилъ и побѣжалъ далѣе;
однако, услышавъ между стѣмѣ,

что его называли по имени, остановился, и оглянувшись назад, увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ, что служитель стоялъ на стѣнѣ и кликалъ его. Онъ узналъ по его голосу, что это былъ тотъ самый, копорой назвалъ его однажды въ саду; и какъ Сиръ Карлъ полагаю, что онъ не былъ ему непріятель, то желалъ поговорить съ нимъ; но боялся подойти къ нему.

Между тѣмъ, какъ онъ былъ еще въ нерѣшимости, незнакомецъ продолжалъ его звать и какъ скоро увидѣлъ, что Сиръ Карлъ приближался, то сказалъ ему тихимъ голосомъ: „успокойсь, я Жаксонъ. — Боже мой! вскричалъ Сиръ Карлъ. Молчи теперь, спасайсь бѣгствомъ, но возвра-

лишесь къ этой стѣнѣ черезъ два часа., — Послѣ сихъ словъ онъ скрылся.

Удивленный Сиръ Карлъ едва могъ вѣришь тому, что слышалъ. Какъ (думалъ онъ), Жаксонъ, вѣрный Жаксонъ находился въ этомъ домѣ! Какимъ спраннымъ случаемъ попался онъ въ это ужасное жилище? — Ахъ! надежда оживаешь въ душѣ моей; Жаксонъ подастъ мнѣ нужную помощь и вскорѣ родители мои и Женни будутъ свободны.

Размышляя такимъ образомъ—Сиръ Карлъ забылъ, что Жаксонъ велѣлъ ему удалиться; но услышавъ въ саду шумъ, онъ опомнился и пошелъ къ той пещерѣ, гдѣ оставилъ Гюшнера.

Капитанъ, поставя одного изъ служителей при входѣ въ пещеру, вошелъ во внутренность и зажегъ факелъ. Какъ описать его удивленіе, когда онъ увидѣлъ Сиръ Карла блѣднаго, въ крови и съ растрепанными волосами. „Что значить кровь сія? вскричалъ онъ съ ужасомъ; отецъ твой! . . . Женни! — „Я не могъ поразить злобнаго Перкинса, ошвѣчалъ Сиръ Карлъ; но время мщенія приближается Жаксонъ, доброй Жаксонъ доставишь мнѣ къ тому средство.

Гюннеръ, не понимая словъ Сиръ Карла, опасался, чтобъ опчаяніе не помрачило его разсудокъ и почти не смѣлъ спрашивать его; однако наконецъ другъ его рассказалъ ему все съ нимъ случившееся.

Онъ слушалъ съ крайнимъ негодованіемъ объ ужасномъ вѣроломствѣ Перкинса; но очень былъ обрадованъ когда узналъ, что Жаксонъ находится въ замкѣ; онъ не сомнѣвался, чтобъ вѣрной сей служитель не доставилъ имъ средства освободить Милорда Келли и наказъ его пиранна; однако Гюшнеръ, полагая, что можетъ бытъ справили новыя сѣпи другу его, хотѣлъ непременно проводить его къ стѣнѣ замка. Неперивніе, узнавъ объ участи Милорда Келли, побудило ихъ ийти шуда прежде назначеннаго времени. Сѣвъ подъ деревомъ пропивъ самой стѣны, они долго никого не видали. Наконецъ увидя Жаксона, бросились къ нему. — Вы ли это, мой любезной господинъ,

сказалъ онъ Сирѣ Карлу?—Да, это я, другъ швой.— И такъ выслушайте меня, не перебивая, ибо время не терпитъ; не зная, удался ли мнѣ съ вами говорить столько, сколько бы мнѣ хотѣлось, я рѣшился писать къ вамъ и самое это меня задержало; въ этомъ пакетѣ найдете вы записку, по которой узнаете, что вамъ должно дѣлать. Не медлите и вы будете еще имѣть средство спасти шѣхъ, которые вамъ дороги; но не теряйте ни минуты. Ступайте, Сирѣ Карлу, и исполните то, что вамъ предписано; иначе они всѣ погибнутъ. Проспите, мой любезной господинъ, до завтра!

Два друга спѣшили возвратиться въ пещеру, чтобъ ско-

рѣе узнать, что написалъ Жаксонъ. Пришедъ туда, они немедленно распечатали пакети и нашли въ немъ довольно большую пепирадь съ надписью: подробное описаніе. Оставя ее, взяли они записку, о которой имъ говорилъ Жаксонъ, и Сиръ Карлъ читалъ слѣдующее:

Завтра, въ два часа по полудни Сиръ Карлъ долженъ находиться у самой этой стѣны, съ десятью или двенадцатью отважными и хорошо вооруженными людьми.

Милордъ Келли, супруга и дочь его еще живы; но Перкинсъ заперъ ихъ въ одно подземелье; и въ самое это время, какъ я пишу, задѣлываютъ въ него ходъ: тиранъ осудилъ ихъ умереть съ голода.

Гюпнеръ и Сиръ Карлъ содрогнулись отъ ужаса, узнавъ сіе новое злодѣйство Перкинса; они огорчались тѣмъ, что принуждены были ждаться еще цѣлыя сутки, чтобъ освободить несчастныхъ жертовъ презрѣннѣйшаго изъ людей.

Шмитъ, услышавъ содержаніе Жаксоновой записки, сказалъ Сиръ Карлу и Гюпнеру, что проведетъ ихъ завтра въ залу гробницы такою дорогою, которая извѣстна только ему и Перкинсу, и что необходимо нужно занять сей проходъ, чтобъ воспрепятствовать ему пройти въ подземелья и покуситься на жизнь несчастныхъ плѣнниковъ.

Два друга приняли Шмитово предложеніе, и общали ему, что если онъ доста-

вить имъ средство освободить Милорда Келли съ его семействомъ, но не только забудувъ его преступленія, но еще награждать его такимъ образомъ, чтобъ онъ могъ въ безбѣдномъ и спокойномъ состояніи провести остатокъ дней своихъ.

Гюшнеръ и Сиръ Карлъ рѣшились возвратиться немедленно къ Донъ Карлосу, чтобъ взять всѣхъ его людей; они сѣли верхомъ, а Шмитъ, за которымъ ѣхали два служителя, былъ опять ихъ проводникомъ.

Начинало уже разсвѣтать, когда прибыли они къ морскому берегу, и вскорѣ Гюшнеръ обнялъ Донъ Карлоса. Почтенной спарикъ пришелъ въ крайнее негодованіе, когда

услышалъ о Перкинсовомъ злодѣйствѣ ; всѣмъ своимъ людямъ , каторые были еще въ силахъ , велѣлъ онъ немедленно вооружиться и готовиться наказать сего изверга. Отъѣздъ былъ назначенъ въ четыре часа по полудни , и всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ времени , въ которое могли оказать свое мужество , защищая невинность.

Сиръ Карлъ наслаждаясь нѣсколько минутъ щасіемъ , видѣть Шарлотту , пожелалъ прочесть пепрадъ , полученную имъ отъ Жаксона. Развернувъ ее , онъ читалъ слѣдующее.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

*Подробное описаніе приключеній
Милади Келли со времени ея
похищенія.*

Желая извѣстить васъ, мой любезнѣйшій господинъ, объ участи вашей супруги, я рѣшился описывать вамъ ежедневно то, что съ нею случится. Я не знаю, какимъ образомъ могу доставить сію шепрадь вамъ или вашему сыну; цѣлой мѣсяць уже нахожусь я въ замкѣ Перкинса, и не вижу никакого средства узнать о васъ или дать вамъ знать о Милади; но я ласкаю себя надеждою, что небо доставитъ мнѣ случай сообщить вамъ то, что случилось съ вашею супругою, и сія надежда побу-

дила меня описать подробно ея несчастія. Однако, чтобъ ни послѣдовало, будыше увѣрены, что Жаксонъ погибнетъ вмѣстѣ съ нею, естли не найдешь способа избавить ее.

Когда по окончаніи праздника, который Г. Нельсонъ давалъ на своемъ кораблѣ, Милордъ Келли былъ пораженъ въ гондолѣ кинжаломъ, я обезоружилъ одного изъ бездѣльниковъ, и видя, что тѣло моего господина кинули въ море, бросился я за нимъ самъ; но Міоко, умѣя плавать лучше меня, вскорѣ до него доплылъ и вынесъ на берегъ. Тогда рѣшился я возвратиться на гондолу, гдѣ была Милади. Я вскорѣ къ ней приплылъ; но чувствуя, что могу подвергнуться

себя опасности, ешьли меня увидяшь, воспользовался пемнопою ноци и ухватился за веревку, кошорая висѣла съ кормы гондолы, что и доспавило мнѣ способъ держаться на водѣ, между тѣмъ какъ она шла къ судну, кошорое, казалось, ее ожидало. Вскорѣ Милади взвели на сей корабль, а я все былъ еще въ водѣ, не зная, на что рѣшишься.

Гондола немедленно поворошила и пошла къ берегу, тогда я выпустилъ веревку и поплылъ къ кораблю. Когда я увидѣлъ, что она отошла уже такъ далеко, что находившіеся въ ней не могли меня слышать, я кричалъ на корабль, чтобъ мнѣ подали помощь. Машпрозы, находившіеся на па-

лубѣ, бросили мнѣ веревку и припахили меня къ кораблю; они спросили меня, кто я былъ и какимъ образомъ попалъ въ воду, на что я отвѣчалъ, что объявлю о томъ Капитану. Какъ скоро я взошелъ на корабль, то повели меня къ нему въ каюту, и когда мы были одни, то я сказалъ ему, что будучи одинъ изъ числа пѣхъ, кои подговорены Перкинсомъ для похищенія Милади, дрался я съ служителемъ Милорда и упалъ съ нимъ въ воду; что наконецъ попопивъ его, хотѣлъ возвратиться на гондолу, но она была уже очень далеко, когда я приплылъ къ кораблю. Тогда опасаясь не имѣть довольно силъ догнать ее, рѣшился просить съ корабля помощи.

Капитанъ, обманушый сею выдумкою, сказалъ мнѣ, что ему не лъзя было отослать меня на берегъ, пошому что онъ и безъ того уже долго промедлилъ и долженъ вскорѣ возвратиться въ Шотландію; но еслили я соглашусь съ нимъ шуда ъхать, то безъ сомнѣнія Перкинсъ наградитъ меня за мою услугу. Припворясь, будто это меня огорчило, я принялъ наконецъ его предложеніе. Тогда онъ сказалъ мнѣ, чтобъ прислуживалъ я Миледи Келли; велѣлъ снять съ меня мокрое плащье и дать сухое.

Нѣсколько дней Капитанъ ходилъ со мною вмѣстѣ, когда я носилъ кушанье Миледи. Опасаясь, чтобъ увидя меня, она не изумилась, я спарался

закрывать лице свое, и по щасию она меня не узнавала; мнѣ способствовало къ тому много перемѣна одежды. Но наконецъ онѣ сдѣлали мнѣ довѣренность и пускали меня одного. Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ открыться ей и рассказать упопреленную мною хитрость, чтобъ отъ нее не отлучаться. Кажется, что нечаянное сіе извѣстіе уменьшило нѣсколько ея горесть и подало надежду, что можетъ быть я найду средство освободить ее.

Плаваніе наше было благополучно, и какъ скоро мы пришли къ Шотландскимъ берегамъ, то Капитанъ велѣлъ бросить якорь и послалъ на берегъ шлюпку. Она возвраши-

лась черезъ три дни, и онъ сказалъ мнѣ, что Милади прибыла къ назначенному для ней мѣсту; почему опъ моей воли зависитъ проводить ее на берегъ. Я охотно на то согласился, и Милади, кошорая, казалось, была очень испугана, когда сажали ее въ шлюпку, нѣсколько успокоилась, увидѣвъ меня съ собою. Однако по нашему условію она показывала, будто меня не знаетъ.

На берегу нашли мы карешу, въ которую посадили госпожу мою; Перкинсовы люди, видя, что я хотѣлъ за нею ѣхать, спросили меня, кто я таковъ? Капитанъ сказалъ имъ, что я одинъ изъ пожитителей Милади и брошенъ былъ въ воду людьми ея супруга; что онъ

взялъ меня на свой корабль, и не имѣя времени опвестъ на берегѣ, считалъ нужнымъ опослать меня къ Перкинсу, чшобъ доставилъ онъ мнѣ пропитаніе.

Послѣ чего одинъ изъ служителей, провожавшихъ карету, посадилъ меня съ собою верхомъ, и черезъ нѣсколько часовъ мы пріѣхали въ замокъ.

Милады заперли въ отдаленную комнапу, а меня опвели къ Перкинсу, которому одинъ изъ людей его рассказалъ слышанное отъ Капитана. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и спросилъ о моемъ происхожденіи, на что я опвѣчалъ ему, что я бѣдной рыбакъ. Но едва было не изобличилъ я себя, когда онъ захопѣлъ знашь, не бывалъ ли я въ Англии: ибо ли-

же мое казалось ему знакомо. Однако я шакъ удачно скрылъ свое смяшеніе, что онъ переспалъ подозрѣвать меня. Зная, что я служилъ Милади на кораблѣ, онъ предложилъ мнѣ оспаться у него и продолжать свою должность. Предложеніе сіе совершенно отвѣчало моему желанію и я принялъ его съ великимъ удовольствіемъ.

Тогда-то Перкинсъ, желая скрыть отъ Милади, что она находится въ рукахъ его, велѣлъ своимъ людямъ хранить глубокое молчаніе, и надѣлъ на нихъ черныя плащя съ покрывалами, чтобъ она не могла видѣть лицъ ихъ. Я былъ одѣтъ шакъ, какъ и другіе, и увидѣлъ въ шопъ же самой вечеръ, что Перкинсъ надѣвалъ

такое же платье, когда приходилъ смотрѣть несчастную свою жертву. Узнавъ объ этомъ, догадался я, что нужно быть очень осторожнымъ; ибо Перкинсъ, мѣшаясь съ толпою людей своихъ и нося одинакое съ ними платье, могъ безпрестанно примѣчать за мною; но не взирая на это, я искалъ способа избавить госпожу свою.

Въ срединѣ сада увидѣлъ я ходъ къ пещерѣ, которая, казалось, находилась подъ замкомъ. Я рѣшился узнать, нельзя ли какъ нибудь черезъ нее исполнить моего предпріятія; и какъ скоро наступила ночь, то взявъ фонарь и спустился въ нее по веревкѣ. Я увидѣлъ, что нахожусь въ обширной пустотѣ, которая была

подъ строеніемъ. Обходясь въ переходы, подошелъ наконецъ къ небольшой желѣзной двери, кошорая была заперта съ другой спороны. Желая непременно отворить ее, я возвратился черезъ три дни съ пилою и желѣзнымъ рычагомъ, которыми пробилъ стѣну и съ великимъ усиліемъ отперъ дверь. Я увидѣлъ за нею небольшую лѣспницу и дошелъ по ней до другой двери, кошорая была гораздо крѣпче и толще первой. Я смотрѣлъ, не лзя ли было снять ее съ петель, какъ вдругъ услышалъ рыданіе и жалобный вопль; я содрогнулся, вообразивъ себѣ, что это былъ голосъ Милади; но между тѣмъ полагая, что черезъ эту дверь былъ ходъ въ ея комнату, я былъ очень тому обра-

дованъ. Наблюдая глубокое молчаніе, я разслушалъ нѣкоторыя слова, подтвердившія мое мнѣніе.

Зная, что въ это время Миледи была одна въ пюръмѣ своей, я посмучался, и вскорѣ услышалъ, что кто-то подошелъ къ двери. Я назвалъ ее по имени пихимъ голосомъ. „Кто тамъ? отвѣчала она. — Я, вашъ вѣрный Жаксонъ— Ахъ, добрый Жаксонъ, какимъ образомъ ты зашелъ сюда? — Говорите пише, любезная госпожа, иначе мы можемъ оба погибнуть. — Ахъ, сдѣлай милость, не подвергай себя опасности. — Я мало о себѣ думаю, только бы удалось мнѣ васъ избавить. — „Но гдѣ я нахожусь?— У Перкинса.— И такъ злодѣй будетъ до гроба му-

чить бѣдную свою жертву!
 — Теперь не время жаловаться,
 а должно дѣйствовать! —
 Что же мнѣ дѣлать? — Скажице,
 открояется ли эта дверь въ
 вашу комнату! — Я не вижу
 двери, а стою передъ большою
 карпиною. — Прикрѣплена ли
 она къ стѣнѣ? — Очень крѣпко.
 — Слушайте же теперь
 со вниманіемъ, что я буду вамъ
 говорить. — „Говори — Если
 въ садѣ окошко изъ вашей ко-
 мнаты? — „Если! — И какъ
 бросите шуда просыпню; я
 привяжу къ ней вилу, которою
 можете вы перепилить часъ
 рѣшешки, находящейся въ ок-
 нѣ; но работайте только ночью.
 Черезъ четыре дня при-
 ду я посмотреть, что вы сдѣ-
 лаете и тогда скажу, на что
 намъ должно будетъ рѣшить-

ся. — Ахъ, любезной Жаксонъ, я во всемъ на тебя полагаюсь. — Надѣйтесь на меня твердо, я готовъ пожертвовашь вамъ жизнью. Простите, Милади! будьте отважны и терпѣливы; бросьте изъ окна простыню, я иду въ садъ,

Я вышелъ немедленно изъ подземелья, и подошедъ къ окну комнаты Милади, увидѣлъ простыню; привязалъ къ ней пилу; и какъ скоро она подняла ее, по возвратился въ замокъ, радуясь успѣху своего предпріятія.

Въ слѣдующіе дни искалъ я удобнаго мѣста вышши изъ саду, и приготавливалъ все то, что было нужно къ побѣгу Милади. Въ назначенный день возвратился я въ подземелье

и пришедъ къ двери, которая отдѣляла меня отъ Милади, поспучался. Она безъ сомнѣнія меня дожидалась; ибо я вскорѣ услышалъ сіи слова: ты ли это, Жаксонъ? — Я, Милади; есть ли какой успѣхъ въ вашей работѣ? — Я перепилила часть рѣшетки и теперь легко можно вылѣзть изъ окна. — Очень хорошо; чувствуете ли вы въ себѣ довольно отважности, чтобъ спуститься по простынямъ? — Я на все готова, только бы вытѣши изъ сего ужаснаго мѣста. — И такъ я пойду подъ ваше окно и вы вскорѣ будете свободны. Когда я подошелъ къ окну, то простыни были уже спущены и я дернулъ за конецъ, чтобъ дать знать о своемъ приходѣ. Вско-

рѣ увидѣлъ я при лунномѣ свѣтѣ, что Милади вылѣзла изъ окошка и начала спускаться. Она была уже только на сажень отъ земли, какъ несчастный случай погрузилъ насъ снова въ пропасть, изъ которой мы почти уже вышли. Остатокъ рѣшетки, къ которому Милади привязала прощпыни, будучи ослабленъ, какъ она пилила, вдругъ выломился и несчастная госпожа моя упала, закричала и лишилась силъ. Я успѣлъ поддержать ее и ей не сдѣлалось никакого вреда, но по несчастію рѣшетка упала на меня и переломила мнѣ руку.

Крикъ Милади услышанъ былъ въ замкѣ. Вскорѣ увидѣлъ я огонь въ ея комнатѣ и узналъ

Перкинсовъ голосъ, которой велѣлъ искашь ее въ саду. Еслибъ я не былъ раненъ, то не взирая ни на что, поспарался бы спасти Милади; но она была въ безпамятствѣ; и рука моя не позволяла мнѣ нести ее. Однако я не потерялся: оставя ее подъ окошкомъ, я спрятался за садовую дверь, и когда Перкинсъ прошелъ со всѣми служителями, то возвратился въ замокъ, и снявъ съ себя плащъ, легъ подъ лѣспницею и началъ спонать. Вскорѣ Перкинсъ, за которымъ несли Милади, увидѣлъ меня въ этомъ положеніи и спросилъ, что со мною сдѣлалось. Я отвѣчалъ ему, что проснувшись на его голосъ, побѣжалъ по лѣспницѣ и спыкнувшись упалъ съ самага

верьху, отъ чего чувствовалъ въ рукѣ чрезвычайную боль.

Перкинсовъ Секретарь, которой былъ также его лѣкарь, подошелъ ко мнѣ и осматрѣвъ мою руку, сказалъ, что она была переломлена. Перкинсъ очень обо мнѣ жалѣлъ, и велѣлъ отнести меня въ мою комнату, приказывая дѣлать мнѣ возможныя пособія. Приказаніе его было въ точности исполнено, и черезъ два мѣсяца я могъ опять владѣть рукою.

Перкинсъ, которой полюбилъ меня, или лучше сказать, надѣялся, что я буду ревностно служить ему, часто посѣщалъ меня въ продолженіе болѣзни, и по видимому ожидалъ съ нетерпѣніемъ моего выздоровле-

нія. Какъ скоро я оправился, то онъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ: Шкошъ, (я принялъ это имя, вступя къ нему въ услуженіе), могу ли я надѣяться на твою вѣрность? — Милостивой государь, отвѣчалъ я ему, я готовъ доказать своему господину усердіе мое и преданность. — Я оубо себя того и ожидалъ; теперъ послушай: ты знаешь, что въ тотъ день, какъ ты переломилъ себѣ руку, Милади Келли хотѣла оубо меня уйти. Безъ сомнѣнія ей помогалъ кто нибудь изъ моихъ людей; ибо пила, которую нашелъ я въ ея комнатѣ, явно то доказываетъ; но я не могъ узнать измѣнника; вѣроятно, что спрятавшись въ саду, онъ смѣшался съ толпою, когда я

пришелъ со всѣми служителями; слѣдственно они мнѣ всѣ подозрительны. Я увѣренъ только въ тебѣ одномъ; ибо болѣзнь твоя не допустила тебя прийти въ садъ. Отнынѣ будь моимъ повѣреннымъ и возьми на себя должность носить Милади кушанье; но клянись сохранить тайну, которую я тебѣ ввѣрю.— Положись на мою вѣрность.—И такъ знай, что въ продолженіе болѣзни твоей изготовилъ я подземелье, въ которомъ удовлетворю своему мщенію и тѣмъ утвержду свое спокойствіе. Неблагодарная Полина не будетъ уже имѣть средства изъ него уйти, и каждой часъ будетъ ей представляться мой соперникъ, заколотый собственнымъ его сыномъ. Тогда Перкинсъ

объяснилъ мнѣ дѣйствіе машины, поставленной въ подземельѣ, и попомѣ прибавилъ, что насыпалъ соннаго порошку въ кушанье Милади Келли; отъ чего всѣ почли ее мертвою; что пользуясь симъ случаемъ, онъ положилъ ее въ гробницу, которая закрывала ходъ въ подземелье, а ночью самъ опнесъ ее въ пригошовленную для нее тюрьму.

Боже правосудный! я видѣлъ это ужасное мѣсто; Перкинсъ водилъ меня въ подземелье, куда заключилъ Милади Келли. . . .

Уже два года спрадаютъ Милади въ могилѣ своей; а я не могъ еще подать ей никакой помощи.

Прошekli чепыре года, и надежда уже меня оставляетъ;

нѣтъ возможности избавить ее! Къ чему послужитъ мнѣ заколотъ Перкинса? всѣ служители его совершенно ему преданы; я не могу ни на кого изъ нихъ положитьсь, а одному ничего не льзя предпринять.

Еще двѣ новыя жертвы. Дѣти господина моего находящія въ рукахъ Перкинсовыхъ; увидя Сирѣ Карла въ саду, я не могъ не вскричать отъ удивленія. Онъ узналъ мой голосъ въ залѣ гробницы; но сей опажной молодой человекъ не хотѣлъ сказать того пиранину

Сводя Сирѣ Карла въ тюрьму его матери, я хотѣлъ ему все открыть; но меня застали въ его комнатѣ и я едва успѣлъ уйти; а ночью поки-

тили его изъ замка по приказанію Меркинса.

Такъ кончилась Жаксонова рукопись. Какъ скоро Сиръ Карлъ прочелъ ее, то желая съ неперѣвнѣемъ освободить своихъ ридипелей, спросилъ, все ли было готово къ отъѣзду? Пятнадцать человекъ изготовились съ нимъ ѣхать, и всѣ они оказывали чрезмѣрное усердіе услужить Милорду Келли, презирая опасности, которымъ подвергались.

Когда садился уже на лошадей, то Донъ Карлосъ сказалъ Гюшнеру и Сиръ Карлу, что гнусная злоба Перкинса, возбудивъ его негодованіе, возвратила ему силы его юности,

и что онъ хочеть также опмспить за новаго своего друга. Тщешно старались они опврапитъ его опъ сего предпріянія; прозьбы сына его и, Сиръ Карла были бесполезныи онъ побхалъ съ ними вмѣстѣ.

Не взирая на Шмитовы кляшвы, благоразуміе не позволяло на него полагаться; онъ бхалъ въ серединѣ, а между тѣмъ за нимъ безпреспанно присматривали. Въ продолженіе дороги совѣщевали ему изгладитъ прежнія свои преспупленія вѣрнымъ исполненіемъ своего слова, и онъ раскаиваясь въ нихъ, клялся снова, что какъ скоро войду въ садъ, то покажемъ шайной ходъ къ залѣ гробницы; и ешьли удасть-

ся его занять, по можно ожидать вѣрнаго успѣха.

Сирѣ Карлѣ велѣ небольшое свое войско такъ тихо, что оно прибыло уже къ замку ночью. Онѣ отвелѣ его въ пещеру, чтобы дожидаться тамъ часа, назначеннаго Жаксономъ.

Когда всѣ вошли въ нее и привязали лошадей, по Гюннерѣ открылѣ корзину съ собственными припасами, которые велѣлѣ взять съ собою, и поштивалѣ ими своихъ спутниковѣ. Послѣ небольшого сего ужина Донѣ Карлосѣ велѣлѣ всѣмъ своимъ людямъ выпить по спакану рома. Напивоку сей ихѣ освѣжилѣ и, казалося, истребилѣ изъ памяти предстоящія имъ опасности.

Въ часѣ по полуночи пошли они къ стѣнѣ сада и при сла-

бомбъ лунномъ свѣтѣ дошли
вскорѣ до мѣста пропинкою.
Такъ какъ назначенной часѣ
еще не настало, то Сиръ
Карлъ велѣлъ всѣмъ лечь, что-
бы Перкинсовы шпіоны, кото-
рые ходили около замка, ни-
кого не видали.

Уже полчаса хранили они
глубокое молчаніе и смотрѣли
для предосторожности въ раз-
ныя стороны, какъ Сиръ Карлъ
увидѣлъ на стѣнѣ Жаксона;
такъ какъ онъ скинулъ черную
одежду и луна освѣщала лице
его, то онъ тотчасъ узналъ
его и вставъ, сказалъ ему:
„Жаксонъ, я уже здѣсь.“--Какъ!
не уже ли вы одни? — „Нѣтъ,
насъ нѣсколько человекъ, го-
товыхъ на все отважиться.“ —
Хорошо; ступайше, но только

какъ можно тише. Жаксонъ изготовилъ днемъ двѣ лѣспницы и спустилъ одну за стѣну, послѣ чего всѣ немедленно перелѣзли въ садъ. Ничто не могло сравняться съ удивленіемъ Жаксона, когда увидѣлъ онъ Шмипа. Полагая, что этоиъ Перкинсовъ сообщникъ былъ шпиономъ, онъ бросился на него и хотѣлъ его заколотъ, какъ Сиръ Карлъ остановилъ его и сказалъ ему, что Шмипъ, оставя Перкинса, обѣщался вѣрно служить ему. Намъ не надобенъ измѣнникъ, вскричалъ Жаксонъ. Хотя я подлинно былъ шаковъ, опивчалъ Шмипъ, но теперь хочу загладить свои просшупки; оставь мнѣ удовольствіе умереть, опмщая за Сиръ Карла.

Угрызение совѣсти, которое прехожило душу Перкинсову, лишило его сна; ищепенно спарался онъ успокоить волненіе чувствъ своихъ, дыша подъ опкрышымъ окномъ ночнымъ воздухомъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что прошелъ по саду человекъ. Онъ схватилъ кинжалъ и побѣжалъ въ садъ, чтобы узнать кого онъ видѣлъ; это былъ Жаксонъ, который ходилъ за лѣспницами. Такъ какъ онъ скрылся между деревьями, то Перкинсъ не могъ найти его; между тѣмъ услышавъ шумъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Сиръ Карлъ съ своими людьми, бросился туда, и прибѣжавъ въ самое по время, какъ Шмитъ указывалъ Жаксону тайную дорогу, ударилъ его пераго кинжаломъ въ

грудь и въ ту же минушу побѣжалъ назадъ.

Не взирая на поспѣшность злодѣя, Жаксонъ узналъ его; онъ немедленно за нимъ погнался, но поперявъ его изъ виду, принужденъ былъ возвратиться къ Сиръ Карлу.

Шмитъ лишился силъ и упалъ на землю, однако вскорѣ пришелъ опять въ себя. Перкинсъ ранилъ его въ грудь и какъ рана была не очень велика, и злоба придавала ему силы, то онъ вспалъ и клялся наказать своего убійцу. Спупайше за мною, вскричалъ онъ, вырвавъ у Гютнера пистолець; бездѣльникъ не долго будетъ торжествовать. Зажгите факель, ибо намъ теперь не нужно уже скрывать-

ся. Совѣтъ его былъ немедленно исполненъ, послѣ чего Шмитъ привелъ вскорѣ товарищей своихъ въ залу гробницы. Мы побѣдили, сказалъ онъ, войдя въ нее; естли Перкинсъ захочетъ итти къ своимъ жерпвамъ, то не минуетъ насъ. Сберегите входъ сей залы; намъ нечего опасаться.

Тутъ поставили мы къ дверямъ людей, готовыхъ скорѣе лишиться жизни, нежели пропустить когонибудь; но между тѣмъ, какъ готовились къ оборонѣ, Перкинсъ выбѣжалъ изъ за гробницы съ факеломъ, и казалось, хотѣлъ скрыться отъ опасности. При видѣ сего изверга, которой вышелъ изъ подземелья, куда его не хотѣли впустить, всѣ были

поражены ужасомъ; однако раздраженный Шмитъ подбѣжалъ къ нему и повергъ его на землю pistolнымъ выстрѣломъ. „Я умираю, вскричалъ онъ, угадая; но смерть моя опомщена будетъ.,,

Мы погибли, друзья мои, говорилъ Жаксонъ; боченокъ пороха, которой я видѣлъ сего дня по упру..... Поспѣшимъ къ нимъ на помощь, время еще не потеряно; или погибнемъ съ ними вмѣстѣ.

Сиръ Карлъ, схвативъ факелъ, бросился съ Жаксономъ по лѣстницѣ, которая вела къ тюремѣ Милорда Келли; они слышали сѣрной запахъ и увидѣли фишль, горящій подлѣ боченка; однако Сиръ Карлъ успѣлъ опнять его, прежде нежели огонь дошелъ

до пороха. Какъ описатьъ его радость? онъ спасъ любезныхъ своихъ родителей и милую сестру.

Между тѣмъ, какъ Сиръ Карлъ былъ въ подземельѣ, Гюннеръ и Домъ Карлосъ, по совѣту Шмиша, разсыпались съ своими людьми по замку.

Сиръ Карлъ и Жаксонъ вынесли боченокъ съ порохомъ и искали чегонибудь, чѣмъ бы пробить дверь тюрьмы, которая была закладена; они очень удивились, когда войдя въ залу гробницы, увидѣли только Перкинса и Шмиша, который лежалъ подлѣ гнусаго своего сообщника. Они спросили его, гдѣ былъ Гюннеръ? Шмишъ отвѣчалъ имъ, что не могши по слабости съ нимъ итти, онъ совѣщивалъ ему за-

хвашить Перкинсовыхъ служителей. Трудно бы было описать злобу изверга, когда Жаксонъ принесъ боченокъ съ порохо́мъ; онъ предался бѣшенству, видя, что всѣ варварскія его предпріятія были уничтожены. Между тѣмъ Гюннеръ, безпокоясь о своемъ другѣ, возвратился съ своими людьми въ залу гробницы. Онъ былъ чрезмѣрно обрадованъ, когда узналъ, что нечего уже было опасаться. Жаксонъ доставилъ нужныя орудія, чтобъ проломать стѣну, и вскорѣ шюрьма была отворена. Сиръ Карлъ имѣлъ щастіе увидѣть своихъ родителей еще живыхъ. Но какое ужасное зрѣлище ему представилось! тиранъ оковалъ ихъ цѣпями и для умноженія несласнаго мученія го-

лода поставилъ подлѣ нихъ столъ съ самыми вкусными блюдами, но къ которому они не могли приблизиться.

Цѣпи, коими злодѣяніе обременило невинность, были немедленно сняты. Несчастные спрадальцы начинали уже приходивъ въ изнеможеніе и вскорѣ лишились силъ; но легкой, крѣпительной напитокъ освѣжилъ ихъ, и желанія Сиръ Карла исполнились. Съ какимъ восторгомъ обнималъ онъ мать свою, отца и сестру! . . . Трудно описать радость сего нѣжнаго семейства. Вѣрный Жаксонъ обнималъ также колѣна своего господина и обливалъ ихъ слезами. Они всѣ говорили вдругъ и старались описать взаимное свое восхищеніе; послѣ чрезмѣрныхъ неща-

стій, ихъ обременявшихъ, они живѣе чувствовали наспоюще благополучіе.

Донъ Карлосъ, видя, что Перкинсъ и Шмипъ были еще живы, послалъ въ ближнее мѣсто за благочиннымъ Офицеромъ. По щастію, Сиръ Андерсонъ, зянь Милорда Келли, былъ въ семъ званіи. Онъ немедленно пріѣхалъ въ замокъ и выслушалъ Шмиповъ доносъ; но злобой Перкинсъ не хотѣлъ ни въ чемъ признасться и умеръ за нѣсколько часовъ прежде своего сообщника, проклиная судьбу свою за то, что не могъ удовлетворить своей злобѣ.

Сиръ Андерсонъ, радуясь тому, что увидѣлъ своихъ родственниковъ, звалъ ихъ въ свой замокъ и пригласилъ также Донъ Карлоса. Сей послѣдній

охотно согласился быть нѣ-
сколько времени свидѣтелемъ
благополучія Милорда Келли;
но хотѣлъ напередъ, чѣпобъ
дѣли его отдали послѣдній
долгъ плачевнымъ остаткамъ
ихъ прародителя; почему Гюн-
неръ отправился въ горы за
своею сестрою, и какъ скоро
она прѣехала, то Сиръ Карлъ
опвелъ ихъ въ подземелье, гдѣ
находился скелетъ, и тамъ
они исполнили печальную дол-
жность, которою обязывала
ихъ природа.

Потомъ всѣ поѣхали въ за-
мокъ Сиръ Андерсона; ибо не
оставалось уже ничего, чѣпобы
могло ихъ задержать въ семъ
мѣстѣ, гдѣ было такъ много
страдающихъ. Вскорѣ Донъ
Карлосъ вступилъ въ родство
съ семействомъ Милорда Кел-

ли, Гюпнеръ женился на Женни, а Сиръ Карлъ на Шарлопшѣ. Сии узы ушвердили дружбу Милорда Келли и Донъ Карлоса. Онъ согласился оставивъ свое подземельное убѣжище и принявъ имя Сиръ Вальпера, переѣхалъ жить къ своимъ дѣтямъ.

Милордъ Келли и супруга его наградили щедро Жаксона за его вѣрность. Видя щастіе своихъ господъ, онъ долго радовался тѣмъ, что могъ имъ быть полезенъ. Наконецъ сіе семейство, гонимое такъ жестоко злобою, воспоминало прошедшія свои бѣдствія для того только, чтобъ пріятнѣе наслаждаться наспоющимъ благополучіемъ.

К О Н Е Ц Ъ.